

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ПОРТФОЛИО В БАГРОВЫХ ТОНАХ

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Лариса Соболева

Портфолио в багровых тонах

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8644558

Соболева, Лариса. Портфолио в багровых тонах : [роман] : АСТ;

Москва; 2015

ISBN 978-5-17-087678-5

Аннотация

Кто творит сюжет жизни? Конечно, судьба – так думает пессимист; конечно, человек – так думают оптимисты и берут в свои руки эту судьбу, затем душат ее и душат... пока она не задохнется. Заблуждения всегда стоят дорого, иногда их стоимость равна жизни. Девочки, модели, красивая жизнь, роскошь... это все своеобразные синонимы, и обозначают они одно и то же, хотя можно набрать еще штук двадцать-тридцать слов, символизирующих, по сути, – счастье. Просто оно у всех разное.

Содержание

1	5
2	22
3	36
4	54
5	78
6	95
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Лариса Соболева

Портфолио в багровых тонах

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя

© Соболева Л.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

1

Круглая луна зависла точно над головой. Она беспардонно оккупировала небо, загасив своим сиянием звезды, вероятно, старушка возомнила себя фонарем. Надо сказать, роль эта ей удалась. И не только. Насыщенный яркий свет внес в заурядный ночной пейзаж городского парка фантастическую, пронзительную ноту – манящую, мистическую и загадочную.

Очарование лунной ночью сменилось разочарованием, когда, пошатавшись по парку, Ника не нашла ничего стоящего. Не повезло. Она зашагала по аллее к ограде, к той части, где наиболее удобно перелезть, ведь входы в парк закрыты...

Внезапно сзади что-то треснуло! Сухая ветка переломилась, что ли? И кто же это ночью в парке на ветки наступает?

Ника оглянулась. Глаза заметались из стороны в сторону, а рука скользнула в карман жилета, сжала баллончик. В баллончике состав с перцем, говорят, действует убийственно – глаза попросту вылезут из глазниц и упадут на землю. Лишь бы в суматохе не распылить перцовку себе в лицо.

Ника никого не заметила. Но треск не померещился! Он слышался явственно и довольно-таки близко. Тем не менее никого... Может, летучая мышь задела сухую ветку? Или еще какая-нибудь живность?

Нет, никого. И все же это парк. Ночью он состоит из нераз-

борчивых силуэтов даже при свете яркой луны. Кто там притворился частью пейзажа – не разберешь, стало быть, доверять глазам ночью не стоит. Сделав несколько шагов, Ника резко обернулась, приготовив баллончик... А никого! Она зашагала уверенней, но прислушиваясь к пространству за спиной.

– Ну и светлынь, – недовольно прошептала Ника и сошла ближе к обочине, где тень была плотной, словно состояла из другого материала.

Не хотелось ей столкнуться нос к носу с кем бы то ни было – мало ли что стукнет в голову какому-нибудь выродку. По сторонам Ника не забывала смотреть – вдруг в глаза бросится нечто неожиданное и получится кадр, какого человечество не видело? Маленький секрет, а может, не секрет вовсе, потому что мечта Ники знакома миллионам: грезила она о славе. Да-да, о ней – настоящей, мировой, заслуженной, которую дают талант, опыт, знания. Чтобы осуществить мечту, нужно в общем-то немного: удивить мир. Удивить... Чем, черт возьми! Идея-то пришла, пробившись однажды на рассвете сквозь сон, но к ней требуются приложения: удачные обстоятельства, неординарные сюжеты и нечто такое... чтобы дух захватило. Как раз с приложениями в эту лунную ночь не везло, хоть лопни.

Между тем мир вокруг казался ирреальным и живым. Даже статуя нимфы, которую ваял некий лепщик явно по пьяни, зажила своею одинокой жизнью. Над головой светил-

ся ореол, точь-в-точь напоминающий нимб, светилось плечо, часть шеи и груди, складки туники, соскользнувшей на бедра. Застывшие тени вокруг скульптуры усиливали таинственность. В самом деле, нимфу можно принять за живую девицу, у которой хобби – нагишом разгуливать по паркам в ночное время. А днем на этот апофеоз бездарности не захочешь смотреть, ведь сделана девочка топорно, ее и засунули в кусты, чтобы поменьше народу разглядывало. Но каков световой эффект!

Гоняясь за ним, световым эффектом, а также за сюжетом, Ника пришла в парк под покровом темноты. Кадров сделано немало, но всё пейзажи, пейзажи... Это не то. Пейзажами (включая лунные) страдают все начинающие фотографы, полагая, что именно им открываются тайны мироздания, – ха-ха! И еще раз: ха! Так где же они – молодые, налитые здоровьем, безбашенные, жаждущие насладиться любовью? А если смертью? На худой конец наркотиками? Это были бы настоящие кадры: правдивые, щемящие, сильные, без сусальной позолоты. Но кругом пусто... пусто и тихо...

Стоп!.. Ника услышала негромкий стон. Женский. И весьма характерный.

– Ура, ура... – азартно зашевелила она губами, осторожно пробираясь сквозь заросли на протяжные тихие стоны и подготавливая фотокамеру. Ника переродилась в хищную дикую кошку, ступающую осторожно и совершенно бесшумно, видящую сквозь густые кусты, слышащую шепот листвы.

Наконец поляна. Как полагается, с газонной травкой. А луна-предательница подло выдала тайну влюбленных, которые находились в данный момент на краю Вселенной. Ника загорелась желанием задержать их на этом краю навечно – хотят они этого или нет. Разумеется, не хотят, но это их проблемы.

Снимки могут не получиться из-за коварного освещения, щелчки могут услышать, тогда предсказуем будет финал авантюры. Но это такой драйв – рискнуть, зная, что тебе вырвут руки-ноги! Если поймают, конечно. Пока парочка разберется, откуда щелчки, Ника успеет сделать несметное число кадров, ведь ее камера – техническая роскошь. Она примерилась и...

Щелк... шелк... шелк...

Ракурс – блеск! Обе фигуры в идеальном положении к объективу. О, какая у парня спина, отливающая серебристыми бликами! Мышцы играют, фигура извивается, как гибкая змея, волосы, подсвеченные луной, вздрагивают... А какие ноги у девушки... грудь... профиль, тронутый лунным сиянием...

Щелк... шелк...

Опля, пауза! Нет-нет, это не передышка, парень повернул голову в сторону Ники... Неужто услышал щелчки? Конечно, он ее не видит. Но обеспокоен. Наверное, обеспокоен. И его подружка приподнялась на локтях. Жаль, выражения лиц «размыты» теньями. Но может, камера «увидит и запомнит»?

Щелк... щелк... И еще! Еще!

Ага, парень поднимается. Пора!

Ника вынырнула из укрытия и ослепила ребят вспышкой раз, другой... Они замерли – растерянные, напуганные, жалкие.

Еще разок их вспышкой...

Обнаженная Маха на травке завизжала, будто ее укусила кобра, и... осталась в памяти фотокамеры. Она судорожно шарила вокруг себя руками – одежду искала. Не хотела бы Ника оказаться на ее месте, о нет.

Парень сообразил, в чем дело, вскочил...

Надо линять. Нет, драпать во весь дух! Но!

– Боже, какой ты классный, – захлебнулась восторгом Ника, нажимая на кнопку камеры.

А то! Парень просто редкий экземпляр, сложен как бог.

Щелк! Ой, пора делать ноги и по-быстрому, потому что бог помчался на вспышку.

– Глеб! – закричала Маха на поляне. – Куда ты? Брось... Глеб, вернись!..

Ника предвидела погоню и сшила специальный мешок из ватина, чтобы не повредить камеру. Теперь, сунув туда фотокамеру, Ника бежала, словно к ее ногам приставили реактивные двигатели, а на спине выросли крылышки. Окрылила девушку удача, между прочим, тетка злобредная, имеющая дрянную привычку подставлять подножки. Но парня окрылила злоба, еще бы! Бежал он быстрее и догонял Нику – ху-

дожника по призванию, а не какую-то там сексуально озабоченную дуру.

Вон там уже ограда! Знакомая каждой перекладиной, вињеткой, кружочком. Лишь бы успеть взобраться. Оглянувшись, Ника включила последнюю скорость, на какую была способна, и успешно оторвалась от преследователя. Вскарabalкалась она по прутьям ловчее обезьяны, уселась сверху, глубоко вдыхая и не решаясь спрыгнуть. Высоко!

Из зарослей выскочил разъяренный молодой лев, обтянутый блестящей кожей. Если схватит Нику за ногу... ноги не будет, оторвет к черту. И вообще Нике не жить, если он доберется до нее, а жить-то хочется. Она соскользнула вниз, кое-как страхуя себя руками и обдирая кожу на ладонях. Ника успела отдернуть руки от прутьев и отпрыгнуть, а парень схватился за железную преграду.

– Ты! Гадина! – зарычал он, не разжимая зубов. – Подлая сволочь...

Улица освещена, Ника прекрасно разглядела парня и... передумала убежать. У него же мордашка на высший балл! Не запечатлеть эталон мужской красоты во всех форматах, да еще в минуту гнева... Нельзя, нельзя! Это преступление перед человечеством! Оно, человечество рахитичное в своем большинстве или донельзя ожиревшее, должно знать, к какому идеалу стремиться. Глеб – путь к славе, богатству, успеху.

– Ты необыкновенный... – Ника защелкала фотокамерой,

а он опешил, столкнувшись с беспрецедентной наглостью, и замер, вытаращив безумные глаза. – Плейбой, клянусь... Прекрасные технические данные... А твоя штука между ног просто супер!..

Глеб схватился за причинное место, он задыхался от злости, возмущения и бессилия, метал молнии из глаз – к счастью, это не смертельно. Злость увеличивается на порядок, если нет возможности выдать по счетам, а Глеба и Нику разделила высокая стена из толстых прутьев – какие тут счета? Остались лишь жалкие угрозы:

– Ты пожалеешь, гадюка!

– У тебя римский профиль... – мурлыкала Ника, игнорируя оскорбления (которые, между прочим, заслужила) и продолжая фотографировать жертву своего тщеславия, – профиль патриция. Впрочем, ты вряд ли знаешь, кто такие патриции. Но у тебя есть другие достоинства: физическое совершенство, красивое лицо, ты великолепен в сексе...

– Убью!!!

Решив осуществить угрозы, он стал карабкаться вверх по ограде, да как ловко! А Ника тем временем ловила моменты и запечатлевала его со всех возможных ракурсов, приговаривая:

– Как ты собрался убивать меня? Надо сперва догнать, а я бегаю быстро. И неужели ты побежишь по улицам э... м... голым? (Он застыл на ограде враскоряку, эдакий человек-пак.) Тебя арестуют.

Вспомнил, что на нем действительно нет даже фигового листочка, одни носки, которые одеждой при самом большом желании не назовешь. Глеб спустился назад и, рыча, ударил по прутьям кулаками:

– Тварь конченная!

– Не злись, – ласкала его голосом Ника, не забывая запечатлеть, ведь кадров много не бывает, их всегда мало. – Тебя нужно показывать всем этим тупым дóхликам, сосущим энергетики из банок и окутанным дымком марихуаны.

– Убью, запомни!.. – цедил он сквозь стиснутые зубы одновременно с ней. – Обещаю тебе адские муки, я по ним спец...

– Ты редкий вид и гордись этим...

– В одних колготках заставлю бегать по городу!..

– Красавчик, ей-богу. Хотя я не люблю этого пошленького слова...

– Удавлю! Клянусь! После марафона в колготках, я удавлю тебя! Ими же!

– Прости, плейбой, мне пора. Вот если бы ты согласился позировать мне... (Он зарычал в ответ.) Не хочешь? Тогда ухожу. Не бойся, твои фотки не попадут в Интернет, я не буду их выставлять нигде, кроме заграницы. А там и не такое видели. Бай-бай, Глеб.

– Чтоб ты сдохла, змея!

Ника сделала несколько шагов и вдруг вернулась. Из предосторожности она остановилась в зоне недосягаемости,

ибо в данном случае риск может обернуться катафалком в сопровождении духового оркестра. Вон как накрыло его: ноздри раздуваются, губы дрожат, наверняка в воображении он рвет ее на части голыми руками. А вдруг у него руки длинные? Ника отступила еще на шагок.

И Глеб пристально разглядывал мерзавку, которая беспардонно вторглась в его пространство. Он запоминал ее, несмотря на электрическое освещение и собственное состояние, когда люди и предметы видятся в ином ракурсе, чем есть. Запоминал в основном лицо, так как черные спортивные штаны, жилет и футболка того же цвета замаскировали фигуру, из-за чего она стала похожей на бревно. С уверенностью он только сказал бы, что мерзавка среднего роста и не худышка. Черты лица крупные (на его вкус заурядные), скулы высокие, подбородок овальный, рот большой, зубы раздражающе белоснежные... так бы и врезал по этим зубам кулаком, не посмотрел, что перед ним женщина! Да не достать. Далее: волосы белые, до бровей надвинута кепка, а сзади из дыры в кепке торчит хвост, значит, длина волос ниже лопаток. Короче, блондинка – с ней все ясно! Итак, портрет отправлен в память, Глеб не ошибется, встретив ее даже случайно. А дорожки их обязательно пересекутся, уж он-то постарается, чтобы пересеклись.

– Любуешься? – процедил он, сплюнув в сторону и уже не закрывая мужское достоинство, поразившее воображение выдры с фотокамерой.

– Это естественно, – замурылыкала Ника. – Но, Глеб, сквернословы тяжело болеют – доказано наукой. Вибрации матерных слов деструктивно воздействует на молекулу ДНК, так что подумай о себе, настоящем мачо. А твоей девушке искренне завидую. Желаю приятно провести остаток ночи.

– Я тебя найду... найду... найду...

Кажется, он возомнил себя Геркулесом и решил вырвать ограду – с такой силой затряс ее. К радости Ники, ограду сделали в эпоху развитого социализма, сделали качественно, следовательно, намертво, вырвешь только при помощи танка... а то и двух. Ника побежала на противоположную сторону проезжей дороги, по которой ни одной машины не проехало за это время.

– Я найду тебя! – повторял он, как заклинание.

А она миролюбиво помахала ему в ответ, подарив улыбку, и нырнула в темноту переулка, врезавшегося перпендикуляром в улицу.

* * *

– Уродка! Подлая! – ругался Глеб, возвращаясь.

В нем клокотало все до последней клетки, да что там – молекулы возмутились, а они такие маленькие, но даже до них дошел отрицательный заряд. Глеб не относится к молодым людям, которые разговаривают матом, а слова употребляют для связки слов в убогих предложениях. Более того,

подобных представителей гомо сапиенса он наделял презрительными эпитетами, но вот, пожалуйста! Сам уподобился им, вспомнив все известные обороты.

Он остановился, припоминая, в какой зоне парка оставил Дину и, что немаловажно, одежду. Топографическим крентинизмом не страдал никогда, но при свете луны и рассыпанных по парку фонарей на столбах с пониженным режимом освещения, к тому же в состоянии крайнего гнева, найти ориентиры затруднительно. Парку больше ста лет, он – часть естественного лесного массива, изменений претерпел мало. Лужайки с газонной травой находятся в центре и огорожены кустами, их несколько. Глеб озадачился: ну и на какой он с Диной?.. Вот досада! Парк знал как свои пять пальцев на каждой руке и даже ноге, но вспомнить, в какое место завела элементарная человеческая потребность, не получалось. Не до того было, когда увлекал сюда подружку.

Глеб завертелся, определяя, где находится ограда. Припомнил, что во время гонки бежал, не петляя, а прямо. Изредка, конечно, огибал небольшие препятствия, а так – прямо и прямо. Назад шел, не меняя курса. С облегчением вздохнув, он восстановил точный маршрут. На смену гневу пришло новое чувство – жажда мщениия. Месть – о! Это блюдо нужно подавать не только холодным, но и нарезанным на куски, чтобы глотать с блаженством, а не давиться.

– Ди-на! – закричал Глеб, полагая, что близок к цели.

Бояться некого – сторож далеко, наверняка спит, а если и

прибежит, то что с того? Не убьет же за секс под луной, за это даже в полицию не заберут, ибо свидетелей нет.

– Дина! Ты где?.. – закричал громче, не дождавшись ответа.

Ушла, что ли? А его одежда! Не унесла же она шмотки с собой! Поставив руки на бедра, заполняясь негодованием, Глеб взревел:

– Дина, кончай дурить! Я-то тут при чем?.. Ди-на!..

Откуда взялась идиотка с фотоаппаратом, чтоб ей!.. Остается обойти все поляны, их немного, штук семь-восемь. Но если только Дина сдуру решила подшутить над ним и утащила одежду...

– Обоих закопаю! – процедил он.

Словно испугавшись угроз, Дина то ли всхлипнула, то ли вздохнула громко. Главное, рядышком. Усовестившись, Глеб пошел на голос. Бедняжка Дина, наверное, пережила в одиночестве конец света, а он хорош: черт знает что думал на ее счет! Глеб вышел на поляну и разглядел белеющее тело. Думал, она уже одета, а ничуть не бывало: подруга ждала его в костюме ню, лежа на травке. Только настроение уже не то, совсем-совсем не то. Мужчина – творение тонкое (изнутри, разумеется), переключается сложно, он же не автомат.

– Почему молчала? – поднимая свои вещи, спросил Глеб. – Эта тварь нервы завязала в узел, еще и ты не отзывалась. Собирайся, провожу тебя.

Натягивая плавки, затем джинсы, Глеб бубнил с обидой:

– Змея с объективом сказала, что я не знаю, кто такие патриции. Сама добавила в свой скудный лексикон одно слово и решила, что она толковый словарь. Дура. Где мои кроссовки?..

Его чуть не накрыло: он в диком раздрае, а Динка валяется на траве, словно под ней матрац в пятизвездочном отеле! На ее счастье, одна кроссовка обнаружилась, на ней лежала рука Дины. Глеб сел рядом, забрал кроссовку...

Глаза невольно задержались на руке девушки, слетевшей с кроссовки. Чего-то в ней не хватало... живого, что ли, не хватало. Взгляд Глеба скользнул по руке подруги вверх и задержался на лице. А что там, собственно, разглядишь при лунном свете? Лицо как лицо, в покое, глаза закрыты... Не спит же она в самом-то деле! При всем при том Дина не произнесла ни слова – разве это нормально?

– Дина... – позвал Глеб. – Почему ты молчишь?

И что? Вместо голоса подруги – странный хрип. Прозвучал он всего секунду-другую, потом смолк. А кстати, почему она хрипит?

Дина лежала на его рубашке как кукла, голая кукла, которую забыли одеть или просто выбросили за ненадобностью. Отчего-то Глебу стало жутковато. Под кожу медленно, от щиколоток к коленям и от поясницы к плечам, заползала тревога. Пока она была безотчетной, больше интуитивной, но требовала оснований, подтверждения чего-то невероятного, что случается редко и только с другими людьми.

– Динка, что с тобой?.. – Глеб тронул девушку за плечо.

Она вздохнула и, наконец, произнесла неразборчивую фразу, ему пришлось наклониться.

– Что ты сказала?

– Он... еще... здесь... Помоги...

– Кто? – спросил Глеб. – Динка, ты о чем?.. Вставай, хватит изображать умирающего лебедя.

Он заметил вторую кроссовку, стоявшую с другой стороны Дины, напротив ее локтя. Глеб протянул руку... и не взял кроссовку. Его рука замерла над телом девушки, потому что Глеб рассмотрел на коже Дины разбросанные пятна. Это были черные и мокрые разводы, в них отражались осколки луны. Пальцы Глеба дотронулись до такого «осколка», на ощупь пятно было вязким, плотным, мокрым и холодным...

– Дина, откуда это?..

Глеб уже не ждал, что скажет подруга, его глаза сами искали ответ. Скользнув по обнаженному телу, они с недоумением задержались на предмете, торчавшем из живота вертикально. В первый момент Глеб не сообразил, что это за штука, рука самостоятельно потянулась к ней, чтобы коснуться и узнать сначала пальцами, на ощупь. Стоило дотронуться – Дина застонала. Это был слабый, отчаянно-молящий и быстро гаснущий стон боли.

Глеба вдруг как ужалило: нож! Из живота Динки торчит нож! Точнее, рукоятка от ножа. Значит, лезвие там... внутри?!! Нет, нет, нет... Не может быть!!!

Как странно – глаза внезапно прозрели. Глеб понял, что черная, блестящая и холодная вязкость – кровь. Понял природу тошнотворного запаха, который не мог распознать в силу наивного убеждения, что ничего фатального произойти не может. Но запах крови витал над Диной. Глеб понял, что лоб в лоб столкнулся со смертью. Она третья на этой поляне. Реальная, а не мифическая. Она близко... очень близко... очень...

– Дина!!! – отчаянно взвыл Глеб, схватив девушку за округлые плечи. – Что?.. Кто?.. Дина... скажи хоть... Я сейчас... Телефон! Где телефон?..

Он рылся в своей сумке – телефона не нашел. Схватил сумочку Дины, белеющую в траве, вытряс из нее все, нащупал смартфон... Стон Дины заставил Глеба кинуться к ней. Для нее сейчас важно не чувствовать себя в одиночестве, а силы тратить на желание жить. Он осторожно приподнял Дину за плечи, уложил голову на колени и набирал номер, бормоча:

– Терпи, терпи... я сейчас... сейчас вызову... Алло! «Скорая»?.. Срочно! В городской парк! Девушку зарезали... Парк Чкалова! Газонные лужайки в центре... У нее в животе нож!.. Быстрее! Пожалуйста!!! Спасите ее!!!

Теперь надо ждать. Вот когда дошло, что хуже ожидания не бывает ничего. Уже на первой минуте у Глеба закончился запас терпения, его трясло. Дрожала и Дина, дрожала сильнее, чем он. Глеб обнял девушку и склонился к ней, чтобы своим телом и дыханием согреть, кое-как укрыл ее же пла-

тьем. Она что-то произнесла, но сейчас это так неважно...

– Молчи, молчи... – сказал Глеб. – Береги силы. Они скоро приедут и... и... все будет о'кей.

– Он... здесь... – расслышал наконец Глеб. – Он убьет нас...

Он... Он?! А действительно! Кто-то ведь воткнул нож в Дину... Но почему?! За что?! А если «он» не убежал? Глеб здесь один, без оружия, с тяжелораненой на коленях.

– Больно... – простонала Дина, подтягивая руку к животу.

А что мог сделать Глеб? Боль уговорам не поддается, но, может, Дину отвлечет его уверенный тон:

– Чш... – Он мягко взял ее руку в свою. – Нельзя, нельзя его вынимать... будет сильное кровотечение... Потерпи немножко, сейчас ночь, «Скорая» приедет без задержек... пробок-то нет! Нет пробок... Всего минут десять... или семь...

Смерть задышала в затылок – кажется, есть такое выражение...

– ...или даже меньше. Тут недалеко станция «Скорой помощи», однажды я проходил мимо и видел...

Глеб реально ощутил безжизненное прикосновение, обладающее холодной пустотой...

– Главное, не шевелись. Ни за что не шевелись, даже если очень хочется. Знаю, тебе больно...

Пустота? Если ТАМ ничего нет, то как они с Диной туда уйдут? Что будут чувствовать? Совсем ничего? А что будут

видеть? Он понял значение слова «вечность». Это – бесконечная пустота вне времени и пространства.

– ...но раз жива – выживешь, уж я-то знаю, поверь. Надо только потерпеть... немножко потерпеть. Ты сможешь... не сдавайся...

Еще темнота как часть вечности. И ощущение себя потерянной частицей в беспредельности. И тишина... нереальная, будто слух отключили. Вероятно, подобие этой тишины слышат глухие, и, наверное, нет ни часа, чтобы их не беспокоило беззвучие.

– Ты же умница. И мы же вместе. А потом... потом...

Не по себе в этой тиши, ведь беззвучия на природе не бывает, не должно быть! Хоть бы собака твякнула – все не так жутко. Но пространство парка намагничено тревогой без звуков, тревога сгущалась вокруг пары на лужайке. Глеб вертел головой, присматриваясь к зарослям. Он искал того, кто, возможно, наблюдал в эту минуту за ними или выжидал, когда напасть. Где он? Справа?.. Слева?.. Сзади крадется?.. Где?..

Теперь только одна мысль врезалась в мозг и сердце: убийца здесь, он близко... очень близко... главное, он невидим...

2

Утро началось с прыжков по квартире а ля кенгуру. Как так бывает: откроешь один глаз и видишь, что еще целых пять минуточек можешь понежиться в кровати, а потом глядь – час провалялась?

Теперь главное успевать делать два дела сразу: зубы чистить и одновременно душ принимать, проглатывать бутерброды с кофе и одеваться, собрать сумку, а вещи имеют привычку разбегаться по квартире. На рисование лица времени никогда не хватает, правда, Ника по сему поводу не парилась, сойдет и так. Далее нужно вызвать такси, проверить краны, закрыть квартиру, ключи(!) обязательно положить в кармашек сумки и отправить сигнал в мозг, где они лежат, чтобы потом не вытряхивать все прямо на пол у двери. Еще дворовому коту дать поесть... Не забыть бы по дороге расчесаться! А потом молиться, чтобы пробок не было.

Тачка примчалась быстро. Казалось бы, сиди себе, отдохай, в окошко смотри. Но Ника ничего вокруг не замечала – ни погоды, ни времени года, ни солнца луч, ласкающий лицо. Сегодня фотосессия. Причем съемки не заурядного семейного портрета в искусственном интерьере с учетом дурацких капризов, а серьезных. Эти снимки станут доступны миллионам, по ним будут судить, каков стиль, фантазия, вкус, мастерство фотографа. Благоразумней было бы выспаться пе-

ред ответственными съемками, но время... время не любит ждать.

Наконец, студия – жизнь и смысл Ники. Она поставила сумку на пол, плюхнулась в кресло, ноги водрузила на свободный стул и «взяла паузу». Отключив мысли, Ника оставалась в состоянии паузы минут пять, таким образом неплохо прочищаются мозги, освобождаясь от текущих проблем, настроений, нервозности, аккумулируется энергия. В этом же состоянии Ника расставляла аппаратуру, а студию (оформление) подготовила еще вчера.

Это ее царство, здесь порядок, уютно, стильно. Поделена студия на две части – черную и белую, по мнению Ники, эти цвета идеальны, они создают пространственную глубину, выделяют либо прячут персонаж. Важно правильно подсветить и выбрать точку, в которой должен оказаться объектив. Мебель на колесиках. Легко передвигается и световая аппаратура, всяческие ширмы и отражатели, корректирующие свет. Две двери, ведущие в крошечные комнатки, замаскированы шторами, которыми студия декорируется при необходимости. В одной комнатке хранится аппаратура, проявляются пленки и печатаются фото дедовским способом. Да, Ника снимает и старыми аппаратами на допотопную пленку, которую с каждым годом все трудней доставать. Пленочные снимки иной раз получаются просто супер, никакой «цифрой» таких не сделаешь.

Стены перед съемочной площадкой Ника оформила сво-

ими работами, ведь клиенты должны знать, кому вверяют себя, и примерно прикинуть, что из этого получится. Она постоянно обновляла экспозицию, на данный момент висела коллекция, на которую возлагались огромные надежды: в скором будущем фото поедут за границу. Ника получила приглашение от своего наставника-итальянца принять участие в биеннале, что равносильно чуду из чудес. Это шанс. И это первая выставка такого уровня, именно там Ника собралась удивить мир... если повезет.

Началось. Вбежала Наташка, самая молоденькая из моделей с внешностью принцессы и улыбчивыми глазами, еще не научившаяся ненавидеть как соперниц, так и весь мир. Ничего, у нее все впереди.

– Доброе утро, я не опоздала?

Хозяйка студии слегка кивнула в знак приветствия, к этому времени Ника пила кофе. Иногда ей заказывают рекламные фото, которые размещают в салонах модной одежды, на улицах города и на сайтах интернет-магазинов. Данную работу Ника считает отличным тренингом, оттачивающим мастерство. К тому же оплачиваются съемки адекватно, поэтому она выворачивается наизнанку, чтобы сделать по-настоящему интересные, содержательные и красивые снимки.

Появилась Лена – брюнетка с глазами морской лазури и коралловыми губами. Последнее время у этой куколки настроение в упадке, но она хотя бы безропотный исполнитель. Впрочем, в ее безропотности не чувствовалось основного

компонента: покорности, не проходило ощущение, что Лена – взрывное устройство с таймером замедленного действия, и стоит нажать не ту кнопку...

Прибежал взмыленный стилист Женя, мальчик на вид и виртуоз в своем деле. Одевается он – спокойно может выдавать себя за дизайнера одежды... для инопланетян.

Еще три тощие куклы пожаловали – Ася, Соня, Тамара, принялись лениво раздеваться. Либо не поели, поэтому у них нет сил, либо не выспались. И то и другое одинаково плохо, потому что эти жерди на съемках вымотают все нервы до последнего нейрона.

Два грузчика в спецодежде притащили наряды. За ними вошел Эдик – глава всей банды и главный менеджер, представляющий компанию, реализующую модную одежду из Европы в сети магазинов.

– Всем добрый день! – бодрым голосом произнес Эд, направляясь к Нике и считая «по головам». – Раз... три... пять... А где Виктория?

– Я здесь! – влетела запыхавшаяся Вика.

– И я здесь! – вошла роскошная Анжела. Честно, роскошная. Жалко, нет в городе киностудии, ибо место Анжелы на экране. Ей даже играть ничего не надо, ходи себе туда-сюда и хватит.

– А парни? – спросил Эдик.

– Еще не пришли, – пискнула Наташка из угла.

– Поганцы.

Эд разозлился. Внешне это никак не выразилось, но девушки умели считывать информацию по едва заметным движениям мускулов на лице, по тому, как он вдруг начинает ходить, поворачивается, сжимает или трет друг о друга пальцы. И ничего не поделаешь, парни плевать хотели на карьеру моделей, они делают одолжение, соглашаясь на съемки за небольшую плату. Заметив, что обнаженные девочки (в одних трусиках, но они же без комплексов) подперли спинами стены и не сводили с него глаз, Эд хлопнул в ладоши, призывая к порядку:

– Леди, в чем дело? Одеваемся, одеваемся...

Нике нюансы взаимоотношений Эдика с манекенами до лампочки, приведет козу, она будет снимать ее и сделает богиней козлиного царства. Сунув Эдику кружку с кофе (это дань вежливости), Ника взяла один из фотоаппаратов, стоявших на специальной полке, и вышла на середину студии. В мгновение ока родилась другая Ника, та, которую боялись модельки, называя ее за глаза Стервой Стервятниковой.

– Сегодня снимаем на двух площадках, – громко, с металлом в голосе сказала она, – в студии и на крыше этого здания. Съёмки на крыше будут вечером во время захода солнца. (По студии прошел гул то ли одобрения, то ли ропота.) Послезавтра съемки за городом. Кто готов?

– Я, – робко шагнула Наташка, облаченная в воздушную тунику желто-оранжевого цвета. Ника предпочла бы удавиться, нежели надеть этот пожар.

– Ко мне, – приказала она Наташке, обходя полупрозрачную штору на белой половине. – Босоножкиними.

– Босиком? – уточнила Наташка.

– Я разве на иностранном языке сказала? (Наташка сбросила босоножки, подошла к ней – длинная, как шпала.) Берись за штору... Стань на цыпочки... Почему у тебя глаза перепуганные? Я еще никого не укусила.

– Не укусила, но отравила, – полупрозрачно съязвила Соня, натягивая брюки, изрезанные вышивкой рюшечками. – Потому что ядовитая без укусов.

Поймав на себе укоризненный взгляд Эдика (значит, он все-таки слышал), Соня опустила глазки и поджала губки. Она испугалась. Его отношение к Стерве Стервятниковой предельно нежное, будто Ника ему родная сестра, он всегда на ее стороне. За съемки девчонкам не платят, деньги от фирм-заказчиц получают школы моделей, но хотя бы достаются фотографии. Где еще сделают портфолио бесплатно? А ведь все мечтают о карьере Золушки, но кастинг пройдут не те, у кого ножка маленькая, а те, кому попадет классный фотограф. Н-да, некстати Сонечка высказалась, хотя и блеснула остроумием, по крайней мере, ей так казалось.

В студию робко зашла Эва – серая мышка во всех отношениях, но приходит она на съемки просто так, посмотреть, как другие работают. Вошла и стала у стенки.

В это же время, шагая по аллее парка, светловолосый юноша с кудрями до плеч старательно изображал, будто его не интересуют люди на лужайке, огороженной живой изгородью. А они интересовали. Валера замедлил шаг, грубо играя роль пофигиста, но он же волновался, не умея профессионально притворяться и собирать сведения, отсеивая их из информативного мусора.

Собственно, работа на поляне, огороженной кустарником, подошла к концу, полицейские почти не разговаривали. Они устали, так как были вызваны посреди ночи и к утру соображали туго. А обследовали всю площадку, каждую травинку, каждый камешек, куст. Наверное, даже небо над головой было изучено ими по всему периметру, теперь все в ускоренном темпе собирались.

Кроме двух молодых людей, которые без дела слонялись по поляне. Один высокий, худой и черноволосый, похожий на отрицательного героя блокбастера. Второй ростом невысок, приземист, с крупными чертами простака, блондин, на солнце его волосы отливали соломенным цветом и казались искусственными.

Валера настроил уши, но слова двумя парнями произносились нечетко, сливались – ничего не понять. Юноша собрался уйти, ощущал-то он себя неуютно, выполняя миссию

разведчика, как вдруг к парням подбежала симпатичная шатенка в латексных перчатках. Валера услышал:

– Отпечатков полно, но одни и те же. Как будто нарочно макали ладони в кровь, а потом дотрагивались до предметов. Конечно, кровь принадлежит девушке, но мы обязаны проверить, вдруг будет неожиданный результат. К вечеру обещаю сказать точно.

А девушки-то, чью кровь собралась сравнивать шатенка, Валера не увидел, как ни старался вытягивать шею. Значит, девушку увезли.

– Отпечатки те же, что и на баллончике? – поинтересовался блондин.

– Спроси у господ криминалистов, – бросила она.

– А результат вскрытия когда будет? – осведомился высокий.

– Завтра во второй половине, – пообещала она, стаскивая перчатки. – Писанины много. Я побежала. Пока?

Достав мобильный телефон, она направилась к одной из полицейских машин, стоявших за живой изгородью. А парни неспешно, как и прогуливались до диалога с ней, поплелись к суетившимся коллегам.

Валера решил: ничего он больше не услышит, а торчать на виду – глупо. Не исключено, что парни на лужайке заметят его любопытство, пристанут с расспросами, а он не готов общаться с полицией. Юноша побежал к выходу из парка, на улице почти сразу остановил маршрутку...

Калинин Слава понимал, что друг ждет идеи, как выпутаться, а сказать нечего. Во-первых, страшилка необъяснимая, отсюда малоубедительная: мол, мирно отдыхал с девушкой на травке, а тут больная с фотокамерой выпрыгнула, Глеб побежал за ней, не догнал, вернулся и нашел Дину с ножом в животе.

Кто ее зарезал? Зачем? Или правильней иначе поставить вопрос: за что убил? Почему оставил Глеба живым? Откуда вообще взялся убийца? Или это роковая случайность, которая на слух звучит как слезливо-сопливая мелодрама, не имеющая ничего общего с реализмом? Тем более не доходило – как это могло случиться с Глебом, человеком-удачей.

Во-вторых... и в-третьих, и в-четвертых, и в-пятых: если рассказ правда, то Глебу в прямом смысле крышка. И это безусловная реальность, язык не повернется сказать, мол, не паникуй, старина, сейчас не тот век, чтобы бояться бездоказательных обвинений. Тот век, тот. Да и улик слишком много, причем не косвенных, а прямых, значит, даже гений адвокатуры не поможет Глебу. После длинной паузы Слава намекнул на единственный выход в сложившейся ситуации:

– Тебе нельзя здесь оставаться.

Глеб лежал на диване, закинув за голову руки. Он не пошевелился, не открыл глаз, хотя Слава ясно дал понять: беги,

друг, беги без оглядки. Глеб находился в состоянии полуяви, в каком-то новом коридоре существования – до крайности безысходном, где искать спасительную дверцу бессмысленно.

– Знаю, – вяло произнес он. – Они быстро выяснят, что ушел я с ней, затем мой адрес... И телефон остался где-то там!

– Тогда какого черта ты тут разлегся? – бросил ему Слава. Им обоим по тридцать три стукнуло этой зимой, оба учились в одном заведении, работают вместе и планы на будущее связывали друг с другом. Однако между ними стоит большее «но», означающее пропасть, – так не похожи Глеб и Слава. Людям с киношной внешностью жить проще, следовательно, Глеба судьба любит... то есть любила и, наверное, этой ночью отомстила за любовь.

Жизнь второго состояла из усилий. Взять тех же девчонок: чтобы добиться симпатии, нужно буквально заставить заглянуть в свою распрекрасную душу и открыть богатый внутренний мир. А на такое скромненькое богатство мало кто клюет, больше плюют в нее – нежную, ранимую, бессмертную. В общем, не притягивается глаз к парням среднего роста, с телосложением Винни-Пуха, носом картошкой, круглолицым и розовощеким, как после морозца зимой. И даже то, что ты хороший человек, не упрощает жизнь, нет. У хороших людей есть принципы, а это в нашей системе взаимоотношений, скорее, недостаток, нежели достоинство. Следо-

вательно, хорошие люди в глазах беспринципных людей выглядят злодеями, ибо портят жизнь ослиной принципиальностью.

Когда ночной звонок разбудил Славу, он, не задавая вопросов, оделся, сел в машину и поехал. Вот и первый принцип: на помощь другу прийти обязан во всякий час суток. Когда выслушал Глеба... Слава опять не задавал вопросов, а сварил кофе, напоил друга – спать он все равно теперь не будет, выпил сам две чашки и сидел, думая, что предпринять. Но ситуация гробовая.

– Может, они успели? – неуверенно предположил он. – Ты же ушел? «Скорая» без тебя приехала? Вдруг Дина жива и расскажет...

Глеб порывисто сел, тем самым прервав друга. Он опустил низко голову, словно сил хватало только удержать ее на плечах, а поднять – не осталось. Калинин вернул его в ночной кошмар, когда на Глеба дохнула смерть. Можно посмеяться над сопоставлением: мол, смерть дохнула – просто готовая метафора для бездарного стихоплета. Только вот изморозь прилипла к затылку и до сих пор не оттаяла, состояние подмороженности тормозило работу процессора под черепом.

– Неужели думаешь, я оставил бы Дину? – процедил Глеб, взглянув на Славу исподлобья. – Или другую, пусть малознакомую, но еще живую? Ответ: ты так подумал обо мне?

– Да совсем не то... – проговорил было Слава, но Глеб и на этот раз не дал ему закончить, вскочив.

– Ты именно так подумал, как сказал. То есть я бросил Дину, значит, я скотина, негодяй...

– Очнись! – психанул Слава. – Тебя шиза накрывает.

– И тебя накрыла бы. Ночью в парке оставить, да? Умиращую? Чтобы ее добил тот... псих? Нет. Я не уходил. Я знал, она умирает. И понимал, чем это грозит мне, если приедут медики с легавыми. Но я ждал. Ждал, когда она умрет. Ничем не мог помочь, ничем! Просто ждал!

Он сделал паузу. Солнце за окном, поднимаясь над крышами домов, запустило лучи в комнату, стало светло, очень светло. Видимо, солнечный свет раздражал Глеба – он задернул шторы, и монолог продолжился:

– Признаюсь, было страшно. Если бы тот псих выскочил из засады, я не смог бы защититься. Нечем было. Но он не выскочил. А Дина умерла. На моих коленях! Определить, жив человек или нет, я, извини, в состоянии. Только после этого собрал вещи и ушел.

Славка дал ему высказаться, не вставляя в паузах ни слова. А ведь Глеб, оправдываясь и упрекая одновременно, был далек от справедливости, уж упреков Слава точно не заслужил. Он мучительно искал способ успокоить нечаянного неудачника, дать ему надежду, чтобы вместе найти единственно правильный выход. И разве Глеб не мог ошибиться в том состоянии?

– Давай подождем? – предложил он Глебу. – Выясним, как там... тогда и будем решать, что делать.

– Мы и так ждем, – плюхнулся тот на диван и закурил. Но его мучил собственный поступок, и как мучил! – Наверное, я все равно не должен был оставлять ее там одну... даже мертвую...

– Не говори ерунды.

– Но я ушел. Потому что... мне же никто не поверил бы...

– И не поверит. Ты правильно сделал, Динке все равно уже, а тебе приклеят ярлык убийцы.

– Они найдут меня. Очень скоро найдут.

– Я знаю, где тебя не будут искать.

Глеб как будто не услышал, а может, не верил, что у Славки вызрел план спасения, он прилег на диван, закинув руки за голову, прикрыл веки. Конечно, он все еще находится там, в парке. Глеб долго оттуда не уйдет, может быть, всю оставшуюся жизнь будет возвращаться туда, а то и жить там, испытывая ужас вновь и вновь.

– Кто-то подарил человечеству столько технологий... – забормотал Глеб. – Всего полвека назад они считались чудесами. Наверное, Бог. Но почему он не научит возвращать время? Представь, сколько людей мечтают вернуть время! На неделю, на день, на час! Чтоб исправить ошибку, начать сначала, кого-то спасти, что-то кардинально изменить...

– Надеюсь, этого никогда не случится. Подумай, что нас ждет с таким умением. Каждый debil начнет возвращать время назад, гоняясь за пустяками. Это будет хаос, с которым даже Бог не совладеет.

Внезапно Слава поднялся со стула, глядя на вход. Проследив за его взглядом, Глеб увидел Валерку в дверях и тоже вскочил. У обоих в глазах застыл немой вопрос: «Ну, что там?..»

3

– Стоп! – закричала Ника девушке с длинными волосами цвета капучино, в шифоновом платье до пят. – Остановись, мгновенье, ты НЕ прекрасно. Я сожалею.

Стоя на коленях перед моделью и бросив взгляд в сторону, она приказала:

– Лена, посмотри на меня!

Жгучая брюнетка с короткой стрижкой, подпиравшая плечом стену на черной половине, вяло повернула к ней голову. Ника щелкнула ее, поднялась на ноги и занялась просмотром кадров. Сзади неслышно кто-то подошел, Ника не оглянулась, она знала: это Эд, вместе с ней он просматривает то, что удалось наснимать. «Затылочное опознание» мелькнуло где-то третьим планом, для нее главное результат, а он – не то, к чему Ника стремилась. И она качала головой, отрицая проделанную работу.

– По-моему, очень неплохо, – возразил Эдик.

Когда он заговорил, она повернулась к нему и заглянула в прищуренные глаза. Вовсе не от потоков ветра, создаваемых вентиляторами, жмурился Эд, у него привычка прикрывать глаза до щелочек, за которыми ничего не видно. Возможно, он так прятал себя настоящего, чтобы никто не рассмотрел, каков он есть на самом деле.

Ничего в нем не нравилось Нике. Ни безупречная белая с

кремовым оттенком одежда на субтильной фигуре, зрительно увеличивающая Эдика, ни тонкие губы и ровный нос с узкой переносицей, но выпуклыми крыльями ноздрей, отчето создавалось впечатление, будто он на нюх брал всех, как ищейка. Не нравились волнистые, зачесанные назад волосы, запах дорогого парфюма. Даже то, что он не хам, не невежа, а приличный и хорошо воспитанный молодой мужчина, которому нет тридцати пяти, к тому же не женатый, тоже не нравилось.

А Эд к ней... типа клеился. Однако, не получая повода к массирующей атаке, клеился осторожно, можно сказать, подкрадывался как злоумышленник, это тоже раздражало Нику. Но именно Эдик периодически подбрасывал хорошо оплачиваемую работу, делал ей рекламу (бесплатную), так кто она после этого? Скорей всего, дело в ней, а не в нем, у нее же отвратительный характер. Да, все так и говорят: отвратительный. Те же модели за спиной трещат, будто съемки у Ники – адские пытки, а сама она дожила почти до тридцати, замуж не вышла и не выйдет никогда, мол, не берут ее, потомственную стерву. Потомственная – каково, а? Дескать, по наследству стервозность перешла к Нике. Значит, мама, бабушка, прабабушки были... Эти дуры ничего умнее не могли придумать, лучше бы на себя посмотрели честными глазами.

– Все не то, – наконец недовольно вымолвила она.

Эдик не согласился, а ведь он заказчик:

– Ну, посмотри, какая воздушность...

В общем-то кадр превосходный: Ася стоит анфас, волосы и юбка развеваются, как флаг, в одну сторону. Просто мисс Революция! А вот еще: Ася развернута в профиль, руки сзади, грудь (та часть, где должна быть грудь) выдвинута вперед, будто разрывает ленту финиша, поза напоминает взлет птицы.

– Рожица ни к черту, – сказала Ника Эдику. – Посмотри, как напряжена шея. Свободы и грации нет, осмысленности нет. Где ты их берешь, блин?

Не первый раз идет речь о беспомощности моделей. Но у Ники требования завышены, ей нужна картинка целиком, а ему – одежда в выгодном ракурсе. Собственно, что требовать от девочек, если в городе модельного бизнеса не существует? Его и в стране-то нет по большому счету, потому что нет серьезной индустрии моды.

– Беру там же: в школах моделей, – отделался Эд привычной фразой.

– А когда приведешь хоть одну живую куклу? Живую!

– Я беру самых-самых. Прости, не понимаю тебя: мы же давно работаем с девочками, ты должна привыкнуть к... их особенностям и подстроиться сама.

Ника съела замечание, ведь он прав, и с грозным видом двинула к девушке, которая присела на предмет декорации – белый куб.

– Ася! Почему у тебя лицо дохлой курицы?

– Что? – промямлила Ася, щурясь, как Эд, но от потока искусственного ветра, направленного в нее.

– Смотри... – Ника сунула ей под нос фотокамеру и, меня кадры, комментировала: – Красиво, правда? Юбка облепила ноги, волосы в полете... А вот какая красота... Но это моя работа, моя фантазия, взят выигрышный ракурс! И работа вентиляторов. А твоя где? Ты хочешь висеть на баннерах с этой уродливой гримасой? Так тебя не повесят. Тебя заблокируют.

– Я замерзла, – с обидой процедила Ася. – Обязательно ветер делать? В фотошопе куча программ с эффектами. Эдик, пусть она уберет вентиляторы, у меня нос заложило...

Эдик не успел рта открыть. Ника, если бы ей дали десять секунд и обещание не наказывать тюрьмой за уничтожение Аси, оставила бы от модели одно шифоновое платье, а так – ограничилась воплем потерпевшей:

– Нет, дорогуша, я лучше заменю тебя. Мне платят за мастерство, а тебе – за части тела. Твой набор преимуществ проигрывает, потому что суповых костей – завалились. Что ты, что другая – какая разница? Но ты диктуешь мне, художнику, что я должна делать? То есть подстраиваться под заурядную тупицу, которая не умеет стоять перед камерой? Знаешь, иди! Снимай платье и грейся, сколько влезет.

– Ладно, я потерплю...

– Меня тошнит от тебя, – рывкнула Ника. – Убирайся! Эдик, давай парней и Анжелику. Остальные готовятся к ве-

черным съемкам на крыше.

* * *

По поводу отпечатков, увеличивших шансы стать единственным обвиняемым в убийстве, Глеб даже не сокрушался. Все настолько плохо, что об этом не хотелось говорить. Итак, пришло время удирать. Он отправил Валерку к банкомату снять деньги, достал вместительный рюкзак. Собирая вещи, оба друга забегали по квартире, как тараканы, когда ночью резко включается свет.

– Часа два в запасе у меня, думаю, есть, – подсчитал Глеб.

– Это если нашли твою мобилу, – уточнил Слава, сворачивая ветровку. – Но речи о трубке не велось, вдруг ее не нашли?

– Без мобилы улик полно, – возразил Глеб. – И давай исходить из худшего: нашли. Так, зубная паста, щетка... Носки и... и! – Он раскрыл шкаф, вынул ящик, поставил его на стол и стал забрасывать в рюкзак белье. – Слышал, что Валерка говорил? Я же макал руки в кровь... Собственно, так и было.

– Отпечатки нужно с чем-то сравнить...

– Поймают меня и сравнят, – заверил Глеб. – Плюс еще одно обстоятельство не в мою пользу: с Диной мы не звезды считали. И выйдет: сначала я ее изнасиловал, а потом кромсал тесаком.

– Установить, что секс был по согласию, легко. При наси-

лии на жертве остаются следы борьбы, она же сопротивляется... жертва.

– Это детали, папочка, наша правоохранительная система в них не вдается. Все не в мою пользу, все! Меня надолго засадят за то, чего я не делал.

На удивление, Глеб выглядел спокойным и по-деловому собранным. Впрочем, отстрадал он сполна, теперь пора включить программу выживания в нелегких условиях осады. А будет она скоро – осада.

– Ты уверен, что айфон потерял там? – спросил Слава.

– Не уверен. Но когда не везет, то во всех направлениях сразу.

Глеб машинально присел на стул, машинально вынул из пачки на столе сигарету, прикурил. Опять, показалось Славе, он унесся в ночной парк, где оставил мертвую Дину. В действительности не о ней думал Глеб. Дине ничем не поможешь, это чудовищный факт, не до конца осознанный, но от него никуда не деться – Дины нет. Глеб есть, он жив. Сесть должен убийца, но его, убийцу, не будут искать – вот в чем парадокс! НЕ БУДУТ ИСКАТЬ УБИЙЦУ – это глобальная проблема, зачеркивающая будущую жизнь.

– А знаешь, – произнес Глеб, глубоко затягиваясь дымом, – у меня выхода нет, кроме как самому найти убийцу Дины.

– Как ты будешь искать, сидя в деревне?

Глеб потер небритый подбородок, соображая. Ночь была

бессонной, голова поначалу не варила, но вот принято решение – и она тут же выдала проект, который он озвучил:

– Достань пару париков, пару бород и все, что к ним предлагается.

– Будешь менять внешность, – скептически хмыкнул Слава. – Думаю, легавые раздадут ментам твою физию во всех возможных вариантах, собрав ее из фрагментов – усов, бород, бакенбардов...

– И бакенбарды добудь, – подхватил Глеб, ткнув его в грудь пальцем. – Форм усов и бород столько, что каждому менту придется таскать чемодан с распечатками. Меня другое беспокоит: в деревне народ на виду, есть участковый, паспорт затребует и... мне хана. В розыск-то скоро объявят.

Глеб затянул шнур в рюкзаке и поставил его у дверей. Затем он взял лист из принтера и уселся писать, а Слава рассуждал вслух:

– Паспорт, паспорт... Да туда пока дойдет сигнал, сто лет пройдет. Поменьше гуляй днем. Кстати, мой старикан уважаемый человек, прятать убийцу не будет. Ну, а если не повезет, права покажешь! Кто там фамилию читает! На карточку смотрят...

– В моем случае обязательно прочтут, – заверил Глеб. – Как в том анекдоте, когда самолет падал в океан, а стюардесса раздавала свистки отпугивать акул. Один пассажир заявил: «Мне обязательно попадется либо свисток бракованный, либо акула глухая». Это про меня.

– Что ты пишешь? – осведомился Слава.

Глеб, складывая лист бумаги вчетверо, поднялся:

– Уже написал. Держи. Отдашь легавым, когда тебя припрут к стенке, выясняя, где я спрятался. А тебя припрут, у меня открылся дар ясновидения.

– Прочесть можно?

– Конечно. Но не сейчас, потом... А вот и Валерка. – Глеб двинул к вошедшему пареньку, раскричавшись: – Где тебя носило? Ты в Магадан ходил пешком, а потом обратно? Ничего поручить нельзя!

– Автомат не работал, – отступал тот, протягивая пачку купюр. – Я искал другой от твоего банка, ты же сам сказал, чтоб без процентов.

Глеб вырвал деньги, разделил надвое, часть положил в карман жилета, часть отдал Славе со словами, кивнув в сторону Валеры:

– Будешь выдавать этой дылде и требовать отчета, куда потратил. Смотри, Слава, не купишь на нытье, попрошайничество и прочие уловки, он умеет бить на жалость и совесть. А это тебе.

Валера покосился на единственную купюру в руке Глеба, не взял ее, для начала поинтересовался:

– А это на сколько дней?

– На неделю, – сказал Глеб, положив купюру на стол.

– Шутишь, да? – справедливо возмутился юноша. – Как жить на эти деньги?

– У пенсюков проконсультируйся, они на пять тысяч в месяц живут и не умирают. Мне предстоит долго просидеть в подполье, возможно, очень долго, зарабатывать не смогу, следовательно, твои капризы удовлетворять тоже. Учись выживать, а хочешь тратить – заработай. Холодильник забит, макарон полно, консервы есть – не умрешь. Деньги на проезд и бутерброд в колледже получать будешь регулярно. Поехали, Слава.

– Куда ты? – бросился за ним в прихожую Валера.

– Тебе необязательно знать, – ответил Глеб, надевая кроссовки. – Славка, за мной! Хочу еще в банк заскочить.

– Не доверяешь? – обиделся парнишка.

Глеб только качнул головой со смешком раздражения. Слава – человек более мягкий, он хлопнул паренька по плечу, ободряюще подмигнул и объяснил то, что Валерка имел право знать:

– Глеб тебя же обезопасил. Ты не знаешь полицию, они так запутают, что сам не поймешь, как выложил им информацию. А потом будешь мучиться, винить себя. Меньше знаешь – крепче спишь, понял? Не дуйся, я же рядом, умереть с голоду не дам.

Последнюю фразу он не рискнул сказать громко, прошептал. И рванул за Глебом, который сбегал по лестнице с рюкзаком за плечами. От злости Валера стукнул кулаком о стену да тут же взвыл от боли. Махая рукой, тем самым восстанавливая кровообращение, он вернулся в комнату, а там снова

неприятность – купюра на столе. 1000 рэ. На неделю!

– Совесть у тебя нет, – произнес Валера упрек, но Глебу было все равно, он же его не слышал. – Привез бы свою Динку сюда – я бы на лестнице подождал! Будто не знаю, чем занимаются наедине с девушкой. И Дина живой осталась бы, и ты сейчас не драпал бы, как последнее трусло. Дурак! А думает, что умный.

* * *

Центральный вход в офисное здание из зеркального стекла, стальных конструкций и бетона находился в древнем переулке. Здесь ритм жизни всегда занижен даже в часы пик, всегда здесь тихо и сладко щебечут птички, прячась в густых кронах вековых деревьев. Этот дивный зеленый уголок не напоминает о мегаполисе ничем, разве что количеством этажей одной-единственной высотки среди «сталинок». Но стоит пройти пару кварталов в одну или другую сторону, попадешь в водоворот автомобилей и выхлопных газов, проспектов и людских толп, шума и бессмысленной суеты.

Девушки высыпали из высотки стайкой – прекрасные как звезды, и мужчины, проходившие мимо, замедляли шаг, прекращали важные диалоги. Остановив на юных девах восторженные взгляды, они улыбались, отпускали комплименты, но не пошлости, нет. Внимание сильной половины человечества – своеобразный допинг, повышающий энергетиче-

ский уровень и самооценку, которая после съемок у Стервы Стервятниковой занижалась до ниже не бывает.

Девчонки пересмеивались, заметно оживившись, неторопливо вышагивали, будто спешить им некуда. Кстати, и некуда. Август – для студентов это время свободы, а девушки в основном студентки и до вечерних съемок отдохнуть успеют. Они присели на парапет, болтая о всякой чепухе. Впрочем, болтовня не несла даже чепухового смысла, так, о чем вспоминалось, о том и говорилось. На самом деле девочки получали свой допинг, поглядывая на уважаемых владык бизнеса, одновременно подмечая: кто и на кого смотрит, каков успех каждой в отдельности.

– Девочки, как вам новенький? – поинтересовалась Соня.

Она отлична восточным колоритом, а ее тело – объемными формами, не соответствующими эталону модели, но таковы вкусы заказчиков. Если учесть, что среди них в основном мужчины – чему ж тут удивляться? Девчонок одно злило неизменно: мужики-дураки первой всегда выбирали Соню, причем самые лучшие (в смысле – богатые), только потом косились в сторону других девушек.

– Ты про Деника? – кинула ей встречный вопрос Тамара.

Рыжая, как лиса, и такая же хитрая, как эта хищная зверушка, Тамара наверняка имела шапку-невидимку. Серьезно: она неожиданно появлялась и так же неожиданно исчезала, ну, а манера легонько кусать подружек по подиуму сделала ее нежеланной в компаниях.

– Он та-акой brutalный... – промурлыкала Соня, по-сматривая на мужчин, вероятно, прикидывала, кого бы под-цепить.

– И тупой, – дополнила Виктория.

Лишь Лену не волновала бизнес-публика, она не подклю-чалась к болтовне, стояла, сложив руки на груди и глядя в сторону, где вообще никого не было. Она и так меланхоли-ческого склада, а сегодня мрачная в квадрате. Ни разу не улыбнулась, даже когда ее просили. Удивительно, но Стер-ва не орала на Лену, как обычно орет на всех подряд, на-против, снимала чаще остальных. Мало того, назначила ей отдельные съемки! Одной! Предложение пробудило черную, как волосы Ленки, зависть! Это значит, Стерва будет делать с ней художественную фотографию для личных целей. Что уж ее устроило в мрачности – неизвестно, но в портфолио Лен-ки попадут сильные фотки. Справедливости ради надо ска-зать, что девушка очень и очень индивидуальна. Сочетание коротко стриженных черных волос и «дремлющих» глаз цве-та морской волны на европейском лице, оттеняющих смуг-лую кожу, само по себе притягивало глаз как к чему-то зага-дочно-неземному, а грусть, исходившая от Лены, усиливала впечатление.

– Леночка, – тронула ее за руку Анжела, – ты чего сегодня такая?

– Какая? – перевела на нее тусклый взгляд та.

– На себя не похожа. Что-нибудь стряслось?

– Голова болит.

Видно же: ничего у нее не болит, но раз ей так хочется – кто бы спорил! В это время к ступенькам подъехал катафалк марки BMW, из него выглянула пачка а ля мастифф, которого никогда не морили голодом, и повелительно крикнула:

– Лена!

Она вздрогнула, следом замерла, потом медленно повернула голову к катафалку. Радости на ее лице не обозначилось хотя бы для вида – это заметили все девушки. А ведь далеко не за каждой приезжает транспорт из разряда люкс, не у каждой есть мастифф с деньгами в лапах, зато каждая хочет иметь его. Тем временем Лена двинулась к машине с большим нежеланием, словно там ее ожидала мерзкая жаба, впрочем, жаба от мастиффа отличается только размером.

– Лен, пока! – крикнула ей Наташка.

Она не обернулась. Лена забралась в салон, дверца захлопнулась – вот и все прощание. BMW зашевелил колесами и бесшумно заскользил по узкой дороге под красноречивую паузу. Молчание, за которым угадывалась неловкость, как будто девушки проникли в чужую тайну, хотя ничего подобного не произошло, прервала Ася:

– Воспитанные люди говорят «до свидания», когда уходят.

– Перестань! – осадил ее Виктория. – С ней что-то творится, ты разве не заметила?

– С нами со всеми периодически что-то творится, – хмуро парировала Ася, трогая острым носком туфли камешек,

случайно попавший на отшлифованные плиты. – Кого это волнует?

Ася вторая, кого мало занимало внимание противоположного пола. Ее светло-серые глаза с ярко-черными и выпуклыми зрачками спрятались за длинными ресницами, она поглощена лишь камешком. А ведь сюда съезжаются баловни удачи, даже если они не соизволят познакомиться, смотреть на себя их глазами – не лишне. Но с Асей как раз все ясно, сегодня ей досталось от Стервы Стервятниковой, отсюда настроение резко упало к нулю.

– Плохо, что не волнует, – между тем все же возразила Виктория. – Люди не должны быть черствыми.

– И жестокими не должны быть, – подхватила хмуро Ася. – И подлыми. И злыми. Обманывать не должны, предавать. Но это теоретически, дорогая, а на практике все с точностью до наоборот.

Правдолюбку и правдурубку Викторию девочки не то чтобы побаивались, но старались не цеплять. По природе своей Вика – рентгеновское устройство, она запросто читала мысли и озвучивала их, довольно точно клеила ярлыки, находила меткие и обидные слова. А чего ждать от девушки, которая учится на философа? Потому с ней и не связывались, во всяком случае, Ася предпочитала держаться подальше от Вики, которая: ты ей слово, она тебе двадцать в ответ, словарный запас-то у нее – всех переговорит. Вот и сейчас прицепилась:

– А ты, по-моему, неплохо вооружилась практическим опытом.

– Что имеется в виду? – взмахнула ресницами Ася, показав глаза, нашпигованные острыми льдинками.

Викторию Ася почему-то особенно злила, просто так злила, одним своим видом заморской принцессы, делающей одолжение всем, с кем приходится по воле судьбы встречаться. Вместо того чтобы обходить столкновения, как поступают умные люди, Вика сама провоцировала ссоры с ней.

– Ты на лету схватываешь современные тенденции, – пояснила она Асе.

– А я способная. Тебе не нравится моя независимость, верно?

– Верно. Но потому, что твоя независимость любит наступать на независимость других.

Нарастающий конфликт мог перерасти в военные действия, к счастью, за Наташкой приехал друг на байке, такой же юный, как она. Он посигналил несколько раз, чем отвлек двух спорщиц.

– Ой, мой Темка! – взвизгнула Наташка и побежала к нему. – Всем пока!

Она села на байк, надела скафандр космонавта и, махая рукой девушкам у парапета, укатила на двух колесах – не шикарно, зато с милым. Не успел байк скрыться за поворотом, подоспел кавалер Анжелы на иностранном авто, сверкающем на солнце баклажанным цветом.

– Девочки, поехали? Мы вас довезем, – предложила Анжела, прошлогодняя мисс города, несмотря на старческий возраст (в прошлом году ей было двадцать четыре).

– За мной приедут, – солгала Ася, отказавшись.

А Вика подхватила сумку на длинном ремешке и, не прощаясь, сбежала по ступенькам к машине. Анжелу от большинства моделей (да и не только от них) отличала доброжелательность ко всем без разбору, она со всеми – как с друзьями, а друзей-то маловато будет в этом серпентарии. Иногда Асе казалось, что Анжела выпала из окна и стукнулась головой об асфальт – до того она нереально позитивная, но за время знакомства убедилась: такая и есть. Все равно Ася недоверчиво относилась к ней, ведь с детства внушалось: кругом враги, будь осторожна, никому не верь, тебя не за что любить и т. д. и т. п.

Девушки посещают разные школы в свободное от учебы время. Некоторые заведения назвали себя громко – модельными агентствами и оставили в своем «активе» бывших учениц, обещая скоро-скоро протолкнуть их в большой бизнес моды. Девушки не только числятся вечными ученицами, они участвуют в показах, конкурсах красоты, иногда им даже платят за выходы, а мечту лелеют... В сущности, мечта на всех одна: стать топ-моделью за рубежом и грести доллары-евро лопатами, большими лопатами, которыми загребают снег зимой. А провинциальный бизнес, построенный на обмане и отъеме денег у амбициозных девочек и в большей

степени у их родителей, не спешит расставаться с клиентурой. Ну, раз в пятилетку одна-две вырываются на настоящий подиум, даже попадают в лидирующую пятерку-десятку. После чего их фотографиями агентства трясут перед носами очередных дурех: мол, вот какие мы крутые, вот кого воспитали, да у нас связи по всему миру. На самом деле, как ни называй баркас, а яхтой он не станет – это дошло до Аси, съевшей собаку на конкурсах.

Итак, враги разбежались, оставив ее одну, а одной сидеть на парапете не в кайф. Словно путана. Повернув голову, Ася столкнулась взглядом с Эвой, значит, не одна. Ну и дурацкое имя – Эва. Полное имя Эвелина – еще хуже, какая-то назойливая претензия на нечто гламурное, а глянуть – ни кожи, ни рожи. И тоже туда, в модели лезет. Тут Ася вспомнила, что Эва вообще-то никуда не лезет, просто училась когда-то в одной из детских школ моделей, потом несколько лет жила в Москве, вернулась. Она приходит на съемки не сниматься, а просто так, ну, переодеться помогает, Стерве помогает. Все равно не нравится она Асе. У нее глаза, как у собаки, дескать, приюти меня и накорми, а я тебе верно служить буду. Только Ася сама не прочь, чтоб ее кто-нибудь приютил.

Должна быть еще Сонька... Ася завертела головой и увидела: игривая кошка строит блудливые глазки сразу двум мэнам возраста ее прадедушки. А где Тамарка?.. Эта потихому уползла. Просто дама-невидимка: то нет ее, а то раз – и появляется буквально из воздуха. Тамара сама себе на уме,

обскачет всех и от удивления распахнет глаза, дескать, не понимаю, как так получилось. Лгунья и хитрющая зараза.

Ася забрала с парашюта сумочку, буркнув Эве «пока», сошла по ступенькам на тротуар и, очутившись в сквере, который узкой полосой, разделяя дорогу на две части, уходил вдаль, задумалась: куда теперь? Ей везде неуютно... Везде ли? Не совсем так. В следующий миг Ася достала телефон, а через паузу сказала в трубку:

– Привет, это я. У меня закончились деньги, ты не мог бы немного подкинуть?.. Правда? Спасибо. Я сейчас подъеду.

4

Глеб стоял у окошка кассира за малорослой круглой теткой, чувствуя, как по спине текут струйки пота от страха, что возьмут его прямо в банке. А тетка попалась претупая, по пять раз переспрашивала кассиршу, тыкая пальцем с ярко-красным маникюром в бумаги. Потом кассирша слишком долго смотрела в его паспорт. Глебу срочно захотелось пить, жажда попросту иссушила, ноги подкашивались...

– Какую сумму? – спросила кассирша.

– Что? – вскинулся он.

– Вы не назвали сумму, которую хотите снять. Вам плохо?

– Нет-нет, мне... нормально. Жарко. В смысле... неважно.

Черт-те что нес! Глеб через силу улыбнулся, стараясь произвести на кассиршу сносное впечатление, а то вызовет «Скорую», там и полиция принесется паковать. Связи между этими двумя службами никакой, но именно так подумалось.

– Оставьте минимальную сумму, – выговорил Глеб сухими губами, – я не хочу закрывать счет.

Не хочет закрывать счет – ха! Как будто у него есть перспектива в скором времени снова пополнить счет. В машине он вытер мокрое лицо рукавом рубашки, махнув Славику: газуй, после с тоской смотрел в лобовое стекло.

Улицы, улицы... Широкие и ровные, кривые и узкие, длинные и тупиковые. Улицы, вылизанные дворниками, вет-

рами и дождями, – Глеб любил чистые города, не оскверненные свинством человекообразных. Вне города он не мыслил себя и сегодня, переселяясь в деревню, прощался с городом. Начнется другая жизнь и по другим законам, сколько она продлится – кто ответит? С этого дня Глеб будет пробираться сюда как вор – тайком и маскируясь, опасаясь встретить знакомых, чувствуя опасность ежесекундно и боясь прохожих, остановивших на нем мимолетный взгляд.

Проезжая пост ГИБДД, Глеб зажмурился – ему казалось, его здесь точно ждут. Но не ждали! Или не заметили. В общем, благополучно выехали за город! Подняв руки с растопыренными пальцами, которые дрожали, Глеб невесело рассмеялся:

– О-хо-хо... Не помню, чтобы меня так трясло.

– Всех трясло бы, – заметил Слава. – Отвлекись от своих вибрирующих конечностей и подумай, что нам делать.

– Уже подумал. Тебе – разузнать о Дине. Мы были знакомы месяц, я ее толком не знал. Думаю, убил Динку парень, с которым она встречалась, а потом бросила. Логично?

– Возможно, – сухо произнес Слава, слегка пожав плечами.

– Стоп, стоп. Почему такой тон? Ты не согласен?

– Да нет...

– Вдумайся, что ты сказал! «Да нет»! Согласился и отказался в одном предложении.

– Не цепляйся, – осадил его Слава. – Просто не стоит упи-

раться в один вариант.

– Но он естественный! – взвился тот.

– Не ори, – невозмутимо сказал Слава. – Лучше поищи еще причины... они называются мотивами.

Глеб на мгновение замер. Истерия в мужском исполнении, без сомнения – аттракцион незрелищный и не заслуживает ни понимания, ни сочувствия, ни участия. Глеб сказал себе «хватит»! Трудно было это сделать, паника многое перекроила в нем, однако нужно вовремя остановиться, иначе успеха ему не видать. Он сказал теперь без эмоций:

– Вот и назови еще хотя бы один удобоваримый мотив.

– Ты, – дал ответ Слава.

– Я? То есть?

– Ты никому не причинял неприятностей? Никто никогда не хотел, например, дать тебе в морду? Припомни, припомни. Ты ж у нас... креативный парень, свободный от всего, от морали и комплексов тоже. Сколько ты мужей орогал, а? Это же по тебе стрелял мужик из охотничьего ружья? Или кто-то другой спускался по водосточной трубе, завернувшись в полотенце?

– Да он потом меня благодарил! – ударил себя в грудь кулаком Глеб. – За то, что я открыл ему глаза на... Он развелся и уехал к деду за границу.

– Не все такие благодарные, кое-кто наносит ответный удар шалунишкам вроде тебя. Может, кто-то пас, выпас, успешно подставил тебя и уполз в тень, торжествуя в душе?

Что ж, Глеб наследил немало по молодости и глупости, и его мозг нервически рылся в закромах памяти: кто, кто, кто?

– Бывший парень Дины?.. Думаю, она сказала бы тебе перед смертью, – рассуждал вслух Слава. – А вдруг все проще? На охоту вышел маньяк, в парке ему попала девушка, загорающая под луной. Маньяк убивает потому, что его непреодолимо тянет убить. Видишь? Мотивировок много.

И трех достаточно, чтобы выяснять имя убийцы до скончания века. Глеб приуныл, будущее ему представлялось бесконечной чередой серых будней, ограниченных решеткой и бараком с двухэтажными нарами.

– Возьми телефон в бардачке, – прервал его размышления Слава. – Тебе же нужен мобильник? Это мой запасной. Зарядное устройство там же.

– Главное, найти гадючку, – произнес Глеб, осваивая дешевенький мобильник. – Возможно... хотя надежда слабая... но возможно, она сфотографировала убийцу. Луна светила – будь здоров...

– Тогда гадючку нужно найти в первую очередь. В первую!

– В первую? Почему это? – с недоумением покосился на друга Глеб.

– Если убийца попал в кадр, как ты предполагаешь, он тоже об этом догадывается. Значит, тоже будет искать ее.

– Зачем?

– Чтобы убить.

– Я помог бы ему прикончить эту гадину! Если бы не

она...

– Теперь эта же гадина может спасти тебя, – усмирил его благоразумный Слава. – Но как ее найдешь? Фотики не ставят на учет, как автомобили.

– Ее фотик стоит как твоя тачка, – задумчиво пробормотал Глеб. – Или даже больше.

Он явно вспоминал что-то, связанное с фотографом, догадался Слава и не мешал ему – наговориться успеют. Калинин переключил внимание на дорогу, которая круто сворачивала и вела через смешанный лес.

– Слушай, а я знаю, как ее найти, – встрепенулся Глеб, повернувшись к Славе. – У моего знакомого такая же фотокамера...

– Ты успел разглядеть?!

– Я увидел похожий аппарат. К тому же, как всякий продвинутый мужчина, я периодически изучаю новинки в Интернете. Так вот, если фотик стоит бешеных бабок, это...

– Профессиональная камера, – сообразил Слава.

– Точно! – прищелкнул пальцами Глеб и ударил себя по колену. – Эта гадость – профессиональный фотограф!

– Она тебе так сказала?

– Именно! – В возбуждении Глеб заерзал, так как ухватил начало нити и очень надеялся, что приведет она к наглой девице. – Негодяйка пообещала не выкинуть мои фотки в Интернет, а также, что нигде не будет их выставлять, кроме заграницы, а там и не такое видели. Ее слова я привел дослов-

но. Фото выставляют за границей только профи. Кстати! Она предложила мне... позировать! Все сходится!!! И раз камера крутая, то наверняка есть фотосалон. И не побоялась же тащить в парк ночью крутую камеру!

– Ты хоть представляешь, сколько точек придется обойти? Этих салонов-студий в городе...

– Есть другие предложения? (Конечно, не было у Славы предложений.) Вот и начнем с элитных салонов, куда простой человек не сунется, у него не хватит монет оплатить фотку этой камерой. Салонами займусь я...

– Ты? А как будешь выезжать из деревни?

– Купи скутер. Дорожных разбойников на скутерах не останавливают бандиты с полосатыми палками.

– Ты на себя посмотри со стороны и представь на скутере. Эдакая дылда, достающая коленками до подбородка. Тебя остановят, гарантирую.

– Ладно, подумаю, как быть. А ты займись прошлым Дины.

– Прошлое подождет. Первостепенная задача – фотограф. Я серьезно, Глеб: если убийца решит, что попал в кадр, к тому же вычислит, где искать фотографа... он уничтожит девочку. Не опоздать бы.

– Уф, спасти мне ее что-то не хочется.

– А придется. Она нужна нам живая. Представь: находят ее труп, просматривают флешки, а на них – ты во всей красе и злобе. В результате несложных умственных комбинаций на

тебе...

– Двойное убийство! – поник Глеб.

– Одно утешает: убийце тоже нужно отыскать девчонку среди огромного количества ее коллег, значит, время у нас есть. Но немного.

* * *

Ника вытянула вверх руки и запрокинула назад голову. Устала. Съёмки на крыше заняли два часа, солнце садилось быстро, меняясь ежеминутно, соответственно изменялось и освещение. Но и в сумерках, и в темноте работа продолжалась, это была ее идея – снять девочек с мальчиками на закате и на фоне городских огней. Кадры получились – шик! Особенно парные и на контражуре или высвеченные лучами мощных фонарей, которые Ника выпросила у охраны здания. Впрочем, и одиночки, облитые малиновым закатом...

– Отлично, – похвалил Эд, ему Ника показала результат на мониторе в студии. – Но гарантии не дам, что заведующие бутиков возьмут затемненные фото, на которых одежды не видно или почти не видно.

– Неважно, – улыбнулась Ника. – Эти кадры пригодятся мне.

– Послушай, Ника... (Вступление сразу не понравилось ей, кажется, Эд что-то замыслил, и предчувствие не обмануло проницательную Нику.) Давай поужинаем наверху?

Наверху – ресторан «Поднебесье», он на последнем этаже. Панорамные окна, расположенные вкруговую, открывают вид на город, который ночью выглядит космодромом, куда приземляются летающие тарелки. Стало модным предлагать там руку и сердце, Ника в первую очередь вспомнила об этой глупой традиции и чуть не выпалила: «С ума сошел!»

– Эд, у меня куча работы...

– А, да, да, да... – закивал он разочарованно. – Я забыл, что на первом и втором месте у тебя работа, ей ты посвящаешь себя всю. А на третьем?..

– Карьера, Эдик, – вздохнула Ника.

– М, карьера и работа, конечно, не одно и то же.

– Не иронизируй. В современном мире женщина должна рассчитывать на себя, я хочу быть умной, поэтому учусь на чужих ошибках. Но не отказываюсь. Давай в другой раз, а?

– Ну, в другой так в другой. Пока, Ника.

Обиделся. Ничего, переживет. Ника занялась сортировкой и забыла не только об Эдике, но и о времени, утекающем, как вода сквозь пальцы. Но заскреблась мышка, она и отвлекла Нику, вдруг почувствовавшую, что спина заныла, а шея задеревенела.

– О-о-ой, засиделась же я... – протянула Ника, глядя на часы.

Была уверена: Эд ушел минут десять назад, а прошло, как ни странно, два часа. Начало двенадцатого! Давно пора лежать дома на диване и набираться сил, ведь завтра предсто-

ит трудоемкая работа по обработке кадров. Ника взяла со стола телефон, собираясь вызвать такси... вдруг щелкнула дверная ручка. У нее особый щелчок, будто срывается пружинка, поэтому слышно всякий раз, когда в студию заходят. Почему такой звук – Ника понятия не имела, мастера не вызвала, чтобы наладил, ведь замок закрывался и открывался без проблем. К тому же это удобно, когда слышишь, что кто-то заходит.

Ника встала из-за стола и заглянула в крохотную прихожую, отгороженную от студии стенками из оргстекла. Сейчас по этим стенам висела одежда на специальных крючках, потому входная дверь не видна с рабочего места. А дверная ручка действительно поворачивалась, но как-то странно, неуверенно...

– Толик, ты? – крикнула Ника. – Что ты там возишься? Заходи...

Толик – охранник из службы безопасности, Ника его прозвала обходчиком. В свое дежурство Толик регулярно обходит этажи, проверяя... что уж он тут проверял, Ника с трудом представляла. Посетить студию в столь поздний час некому, когда офисы на этажах пусты.

А Толик-то не ответил. Странно. Дверная ручка вернулась в исходное положение, дверь так и не открылась. Очень странно.

– Алло-о!.. То-лик! – еще раз крикнула Ника, разделяя слова на слоги. – Это ты?.. (В ответ – гробовая тишина.) Что

за ерунда! – пыхнула Ника, шагнув в прихожую.

Шагнула и внезапно застыла. Если Толик не ответил, то его там нет – логично? А раз это не он, то... кто? Почему, открывая дверь, кто-то там, в коридоре, не открыл ее? Почему не отозвался?

Тревожно екнуло сердце, подсказав: за дверью некто с дурными намерениями. Может быть, совсем-совсем с плохими намерениями. У Ники задрожали от страха коленки и почему-то локти. Причем здесь локти, какое им дело до остального тела и головы, которая сообразила: за дверью угроза? Сейчас психов полным-полно, их же не лечат, они гуляют на свободе, а в обесточенных мозгах одни «тараканы» обитают, жаждущие крови. И здание огромно – это то, что нужно садистам. Ты тут кричи, не кричи – никто не услышит. Но телефон-то есть! Ника нажала на «горячую» клавишу, Толик взял трубку сразу, его мобила на дежурствах всегда под рукой, он ответственный:

– Алло, Ника?

– Толик... – Она заговорила шепотом, отойдя от прихожей. Одновременно искала, чем бы защититься. – Ты далеко?

– Внизу, а что случилось?

– Умоляю, поднимись... Срочно! Тут кто-то бродит, пытался ко мне зайти... но почему-то не зашел... Мне не по себе.

– Иду.

Штатив! Хорошая штука для самообороны. Ника взяла его и приготовилась встретить злоумышленника, но дверная ручка оставалась в покое. Закрыться бы на ключ, да теперь страшно подойти, вдруг дверь распахнется и там... там что-нибудь страшное! Дурацкие мысли выедали мозг. Тем не менее Ника разыграла целый спектакль для тех, кто притаился за дверью:

– Ужеходишь, Толик?! А я думала, ты ко мне сейчас пытаешься зайти... Не ты? Ну, давай, чай уже готов, я жду... А, уже на этаже?

Минута прошла, вторая... Черт, это просто мука!

Еще одна минута прошла, дверь оставалась в покое.

Шаги! Громкие, тяжелые... Прекратились.

– Ника, это я, – раздался долгожданный голос.

– Толик... – с облегчением выдохнула Ника, обмякнув.

Он вошел, второй парень из охраны решил пройтись по коридору и посмотреть, что за поворотами, которых в этой башне, как в лабиринте Минотавра.

– Ну, что тут? – спросил Толик, обводя светло-карими глазами наивного добряка студию Ники.

Славный. Толик действительно добряк, правда, малость занудливый, а занудство – не самая притягательная черта. Ника часто задерживается, в этом бетонно-стеклянном мешке ей бывает неуютно одной, она зовет Толика, и он скрашивает вечера за кружкой чая, чему занудство не помеха.

– Ты никого не встретил? – нервно спросила она.

– Нет.

– Кажется, я спугнула... не знаю, кого. Кто-то хотел зайти сюда... Вначале послышалось, мышь скребется. Теперь думаю, кто-то вставлял ключ, понял, что дверь открыта, хотел войти... Ты же знаешь, как щелкает ручка. Потом я видела своими глазами, как осторожно поворачивалась дверная ручка, но я окликнула тебя, думая, что это ты...

– А кому ты давала свой ключ? – остановил Толик поток слов.

Ответ был готов, но Ника на миг задумалась, всего на несколько секунд, так как в такие минуты начинаешь сомневаться в себе и вспоминать то, чего не было.

– Никому! – с уверенностью заявила. – Запасной висит у вас... Что этому человеку надо было?

– Все, что есть ценное... что можно толкнуть. А ключей не теряла?

– Нет. Так это вор?

– Не исключаю. Но где его теперь искать? Мы же не знаем, как твой вор выглядит...

– А камеры слежения? – вспомнила Ника.

– Они установлены далеко не везде. Здание новое, установка камер дело долгое, дорогое и для арендаторов не первостепенное. Зачем тратиться, если охрана все равно есть? Но я просмотрю записи смежных коридоров, может, найду подозрительных типов. Знаешь, не люблю высотки, особенно офисные, в этом здании легко спрятаться. Ты напугана?

– Немножко.

– Вызывай такси и дуй домой, а мы походим по этажам. – В следующий момент он поднес к губам переговорное устройство и заговорил: – Просмотрите записи камер наблюдения, возможно, в здании есть злоумышленники.

Тем временем Ника собрала вещи, сложила в баул главную ценность – фотоаппараты и, закрыв двери, пошла к лифту.

– Ника! – окликнул ее Толик, она обернулась. – Разорись и поставь студию на сигнализацию, сигнал будет поступать к нам напрямую. Посчитай выгоду: не придется таскать на себе баулы и риск стать ограбленной сведется к нулю.

– Спасибо. Обязательно разорюсь.

Но не сейчас. Сейчас деньги нужны на поездку за бугор. Она поедет туда не с одним чемоданчиком, предстоит везти фотографии уже в оформлении, а это не рамочки для комода. Между прочим, помимо грабителей, есть покруче гниды: конкуренты и конкурентки.

* * *

Дядя Славки, заметив в друзьях вялость и подавленность, отправил обоих отдыхать, ни о чем не расспрашивая. Глеб заснул, едва коснувшись головой подушки, но в критическом состоянии и в забытьи нечто угнетающее давило на сознание, отсюда сон не был долгим. Не лежалось, Глеб сел. Ря-

дом на диване громко сопел Славка. Нащупав сумку с компьютером, а стояла она у стены, Глеб вышел из комнаты на цыпочках.

На застекленной веранде Юрий Петрович играл сам с собой в шахматы, тут же на столе работал переносной плоский телевизор, вещая последние новости, без которых старшее поколение отчего-то жить не может. Глядя на рослого, крепкого, бородатого и жизнерадостного старикана (именно так его величали племянник с другом), никогда не скажешь, что ему шесть с половиной десятков. И одиночество для него не есть наказание, а возможность распоряжаться личным временем по своему усмотрению.

– Чай будешь? – спросил Юрий Петрович.

– Ага, – согласился Глеб, усаживаясь за стол. – Сколько натикало?

– Около двенадцати.

Глеб достал из сумки компьютер, включил его и, постукивая ладонями по столу, ждал, когда загрузится. Юрий Петрович, наблюдая за ним поверх очков, сползших на кончик носа, привел гостя в чувство:

– Эй, парень, не хочешь чаю налить себе? А заодно и мне, м? Все, что тебе нужно, найдешь на кухне.

– О... простите! – подскочил Глеб.

Поставив на плиту чайник и не зная, чем занять себя, он закурил...

Окно было распахнуто, его перечеркнула ветка сирени с

широкими листьями, они чуть вздрагивали, когда до них робко дотрагивался ночной ветерок. А за веткой зияла черная дыра, в деревне ночь – это ночь без просветов. В глубине черноты чудилось, будто кто-то прятался и следил за Глебом, пробуждая незнакомое чувство опасности и связанный с нею ужас. Ты не знаешь, чего ждать, но ждешь... ждешь и трепещешь... До плеча кто-то дотронулся, Глеб вздрогнул и резко обернулся:

– А!.. Фу, это ты...

– Э... э... Пусти!.. – сдавленно произнес Слава.

Оказалось, Глеб успел схватить друга за горло одной рукой, второй – со стола вилку и замахнуться. Доли секунды на это потребовалось, доли! Опомнившись, он разжал пальцы и вернул вилку на место, промямлив:

– Прости... мне показалось... Не знаю, что показалось.

– Ты хоть смотри, кто перед тобой! Чуть не задушил!

– Сам не знаю, как я... Фу-ты, черт! Извини...

– Ну и реакция... – ворчал Слава, поглядывая с опаской на Глеба, заваривающего чай. – Что тут?.. Чай? Я бы съел чего-нибудь. Посмотрим, что у старикана в холодильнике... Будешь колбаску, сало?

– Буду.

– Я выспался, а впереди целая ночь.

– Хорошо, что выспался, есть идея, как найти фотоаппаратчик. – Глеба просто тянуло как-нибудь уничтожительно выкрутить слова, касающиеся девчонки с фотокамерой.

– Идея? Какая? – поинтересовался Слава, забросил в рот отрезанный кружок колбасы и принялся кромсать хлеб на толстые куски.

– Хорошие фотографии имеют сайты, – начал делиться идеей Глеб, – а с крутыми камерами тем более. Это способ общения с коллегами по всему миру и привлечения клиентуры. Сейчас сядем за комп и будем записывать адреса фото-салонов города, таким образом ускорим поиски психопатки.

– Завтра с мобилы можно зайти в Интернет и по ходу...

– Завтра, – перебил его Глеб, – мы не будем тратить время на изучение сайтов, а поедем по адресам самым оптимальным маршрутом. Сегодня их отберем и зарисуем план местности. Некоторые дают план во всех подробностях.

– Есть же принтер, отпечатаем.

– Тем более. Отнеси старикану чай, он просил. Жду тебя наверху.

Пять минут спустя оба уставились в монитор в кабинете Юрия Петровича с фаянсовыми кружками в руках, на столе стояла тарелка с едой. А сайтов...

– Можно подумать, в городе живут одни фотографы! – возмущенно произнес Слава.

– Я специально ее запоминал, думаю, узнаю, – заявил Глеб.

– Да? Как? Не все вешают на сайтах свои физиономии. Вот, пожалуйста, – указал на монитор Слава, – фотографии владельца студии нет.

– Рожей, наверное, не вышел. Славка, нам не нужны фотографии мужчины, только женщины.

– Знаю, знаю... – щелкая мышью и жуя бутерброд, бросил тот. – А вот... женщина! И фотка есть. Она ничего... В смысле – ничего хорошего. Печатать?

– Но это не она.

– Фотографы должны знать друг друга.

– Именно! – воскликнул Глеб, хлопнув его по спине ладонью. – Мы поговорим с ними, расспросим. Женщины ревностно относятся к конкурентам.

– Интересно, по каким таким приметам они должны догадаться, что мы ищем вчерашнюю фотографичку? Твои описания слишком общие, под них каждая вторая блондинка подпадает.

Глеб признал, что целостного портрета не получается, это у него-то! А он видел нахалку, говорил с ней и запомнил ее! Если встретит – узнает, это беспроектный вариант, но как других заставить увидеть ее своими глазами?

– Как же быть? – расстроился Глеб.

– Думай! Не найдем ее мы, найдет убийца.

– Найдет... найдет... – заворчал Глеб, одновременно заржав. – Чего мы тупо уперлись в одну идею? Может, он сбоку стоял и в кадр не попал.

– Надо исходить из худшего.

– Но время! Можем угрожать на поиски этой заразы хренову кучу дней.

– Классная аппаратура панорамой берет местность, так что исходи из худшего. Убийца наверняка стоял в зарослях и выжидал, ты побежал за фотографичкой, а он – к Дине. Пойми, убийца на всякий случай будет искать ее, чтобы уж наверняка себя обезопасить, убрав даже потенциального свидетеля. А у тебя вообще нет выбора! Вместо этого гада искать-то будут тебя, а не его. Девчонку надо найти раньше психа, понял? Нет, как будто это мне одному нужно!

– Кто и кого убьет? – неожиданно раздался низкий роко-чущий голос Юрия Петровича, застав ребят врасплох. Они так увлеклись, что не заметили, как он вошел, ему удалось услышать добрую половину диалога. Когда племянник невинно захлопал глазами и открыл рот, чтобы солгать, старикан властно поднял руку:

– Молчать.

Взяв стул у стены, он подсел к двум заговорщикам, скрещенные руки уложил на выступающий живот, после чего по очереди оглядел жалкие рожицы.

– Колитесь: кто, кого и почему должен убить? Куда вляпались, мальчишки? Только не врать! Я по вашим физиям вижу: что-то случилось. Ну? Слушаю вас...

* * *

Тремя часами позже этой же ночью Джагупов тупо уставил сонные глаза в айфон, разбудивший его. Номер оказался

без имени, в подобных случаях Тофик Джабраилович никогда не отвечает, но ничто так не изменчиво, как застарелые привычки. Спросонок он сам не понял, как произнес осипшим после сна голосом:

– Да... Я слушаю...

Ни слова в ответ. Неожиданно раздались короткие гудки, видно, кто-то «залетел» не на тот номер. Джагупов поднял глаза на часы, стоявшие на каминной полке, и вытаращился: три! Раз темно, значит, три ночи. Со сладострастным стоном он зевнул, широко раскрыв рот, после осмотрелся, поглаживая плечи. Заснул он в гостиной на диване, утонув в подушках. Телевизор работал громко – там пели и плясали, от огромного экрана шел яркий свет ядовитых оттенков, раздражая глаза. Джагупов потянулся за пультом на столике у кровати, взял его, внезапно рука скользнула по стеклянной поверхности, а он врезался в столешницу носом.

– Ой, ё!.. Ё!.. У... Ааа... – застонал на все лады.

Неуклюже приподнявшись и не выпуская из руки пульта, он сел, потер ушибленный нос, уменьшил звук. В его возрасте прерванный сон – наказание, но если немного выпить, боль притупится, сон вернется. Джагупов отбросил плед, спустил ноги на пол и ступней зашарил по ковру, отыскивая тапочки. Не нашел. Наклонился вниз... из-за сжатия диафрагмы подкатила противная отрыжка, то ли желудок, то ли печенка житья не давали последнее время. К врачу пора. А еще недавно казалось, здоровья хватит на две жизни,

каково же было удивление, когда в пятьдесят организм начал неустанно напоминать: твое время истекает, будь благо-разумным. Ну, понятно: не пить, не курить, женщин не любить, не жрать тоннами шашлыки.

– На хрен такая жизнь? – высказался Джагупов, поднимаясь с дивана.

Из открытого окна охлажденная влажность, насыщенная лесным дурманом, заползала в гостиную, приятно касалась кожи и с наслаждением вдыхалась. Однако зябко... Впрочем, здесь и в летнюю жару ночью не жарко, а нынче август перевалил за середину, ночи уж не те, прохладные.

Шмыгая носом, Джагупов поправил сползшие на бедра цветастые семейные трусы, никто не проверял, но наверняка в этот древний бренд влезет человек пять. Накрыв плечи пледом поверх старой футболки, Джагупов босиком зашлепал к бару, зевая и потирая то затылок, то лысину на макушке. А когда-то вместо лысины росла густая шевелюра... так ведь когда это было!

Глоток виски – и телу стало хорошо, вот только нос... Тофик утер сопливый нос запястьем (видимо, переохладился, когда спал), а секунды спустя, наливая следующую порцию виски, заметил кровь. Потрогав пальцами под носом и обнаружив уже на них кровь, он поразился: неужели от удара фейсом об тейбл такое возможно? Но если честно, нос у него... сначала появляется нос, потом живот, после сам хозяин всего этого «добра».

Снова зазвонил айфон и опять номер без имени. Джагупов выпятил губу, все же сказал в трубку:

– Да, слушаю?..

Гудки? Наверняка звонил тот же абонент, что и десять минут назад. Вот народ! Ясно же: ошибся номером, так нет – надо проверить. Джагупов решил больше не отвечать, ушел в ванную, промыл распухший нос.

– М-да, чуть курносым не стал, – бурчал он, вытираясь и рассматривая себя в зеркале. – Где молодость, где?..

Из ванной заглянул на кухню. Набросал на тарелку закусок, из холодильника взял бутылку минеральной воды и вернулся в гостиную, досадуя на разбудивший звонок, ведь теперь фиг заснешь до утра...

А здесь... ЧЕЛОВЕК!

Джагупов крепко зажмурился, затем вытаращил глаза... Нет, не померещилось, человек реальный. Джагупов превратился в стоп-кадр, ощутив, как каждая клетка в его теле затрепыхалась, а кишки завернулись в узел от страха!

Человек не оглянулся, хотя слышал шаги и сопение. Он стоял посреди гостиной спиной к Джагупову, одетый в черно-коричневую одежду. Его голова, затянутая флисовым капюшоном, запрокинулась – он смотрел вверх. Так ведь потолки в доме способны потягаться с потолками в Ватикане – там тебе (у Джагупова) и Рафаэль, и Рубенс, и да Винчи. Один армянин фрески штампует – оригиналы меркнут! Но сейчас хозяин думал не о фресках на своем потолке с вычур-

ной лепниной, а о незваном госте: откуда он взялся?

– Ты кто?.. – выговорил он с трудом, мучительно соображая, чем грозит столь поздний визит (или ранний).

Его особняк стоит не на убогих пяти сотках грунта, а на большой площади, рядом участка таких же размеров – только самолетом можно облететь. Это шутка, однако позвать на помощь не получится, не услышат соседи, которых Джагупов, кстати, не знал. Недосуг было познакомиться. И охраны в загородном доме сроду не держал – ну, не дурак, а? Как будто денег у него мало! А-яй, и пистолет в прихожей. Лежит себе в кейсе, а чтоб открыть кейс, надо набрать код...

В это время гость, натягивая медлительностью нервы, повернулся... Лица Джагупов не увидел, лишь глаза в прорези, как у военных, потому в панике отступал, угадав в фигуре, идущей на него, темный призрак из бездны. Отступал, чувствуя, что призрак посетил его с подлой целью утащить с собой, а жизнь так прекрасна! О, сколько в ней всего, что в молодости только снилось.

Боль вонзилась так внезапно и была такой острой, что он не смог ни вскрикнуть, ни выдохнуть, ни вздрогнуть. Ничего не понимая, Джагупов просто замер, боясь потревожить адскую боль, которая начиналась в животе и стреляла во все части тела. Но это не приступ – не желудок, не печень, не поджелудочная, а нечто постороннее, беспрепятственно врезавшееся в него, распространяло боль.

Видимо, нос Джагупова перевесил, и голова наклонилась,

подбородок уперся в грудь. В поле зрения попала рука в перчатке, прижатая к его шарообразному животу. Неужели простая рука так сильно, так страшно жалит? Рука подалась назад, а из живота выползло длинное лезвие в кровавых разводах и безжалостно воткнулось снова в человеческую плоть, легко проткнув футболку. После чего лезвие вновь неторопливо вышло и резко воткнулось...

Джагупов не смог поднять голову и посмотреть в лицо убийце с упреком, возможно, это остановило бы безжалостную руку. Он только наблюдал, как нож входит в его тело и выходит из него, причиняя невыносимую, пронизывающую боль. И понял: это конец. А ничего сделать не мог, ничего! Лишь покорно принимал в себя острую сталь.

Смерть пришла, когда Джагупов достиг всего, что доступно редким единицам, впереди маячило еще много лет полноценной и полной соблазнов жизни. Соблазны стоят дорого. Разве не ради них предают, обманывают, идут на преступления, унижаются? Нет? Значит, ради денег? А деньги зачем? Чтобы оплатить соблазны. Джагупов мог бы стать просветителем и читать лекции на тему: соблазн – великий толкач. Он знал, что и чем движет, он прошел через все тернии, отказывал себе во всем в юности, ибо не было денег на хорошую еду, одежду, жилье. Он отказывал себе во многом и в зрелом возрасте ради детей и жены, на которой женили главы тейпа, не спрашивая, хочет ли дочку Бабы-Яги его пятая конечность. И так всегда было: никто не спрашивал, чего он хочет,

Джагупову предписывалось удовлетворять хотения других. Да, он остервенело добывал деньги, не брезгуя ничем: обманывал, предавал, унижался, шел на преступления. Потому что знал, ради чего. Ради себя. И вот дети выросли, жену выгнал, заткнув ей рот баблом. Джагупов свободен и богат, наконец, он мог жить...

Но какое-то ничтожество прокралось в дом и зарезало банальным лезвием. Заколело, как кабана! Обидно, жалко, что все в этом соблазнительном мире для него кончено.

Из руки выпала бутылка с минеральной водой, покатила по полу... Тарелка с закусками хлопнулась на пол... Разбился хрустальный стакан...

Джагупов следил за рукой с ножом до тех пор, пока сознание не удалилось, пока он не перестал видеть и чувствовать. Упал он плашмя и навзничь. Упал, уже не зная того, что падает, а удар об пол располневшего тела сам по себе опасен, к этому времени он ничего не чувствовал.

5

В дверь с упорной настойчивостью звонили, а утро раннее... Сонная Лена отбросила одеяло, дотянулась до халатика и, сунув в рукава руки, поплелась в прихожую, не завязав поясок на талии. Открыла дверь. Не взглянув на террориста, она оперлась спиной о стену, скрестила на груди руки и отвернула лицо в сторону комнаты.

– Почему не открывала? – спросил террорист, войдя в прихожую.

Не просто спросил, а вложил обиду в вопрос, чтобы, понятное дело, вызвать комплекс вины у Лены. Она запрокинула голову и уставилась в потолок, тем самым давая понять: надоел, устала, катись к чертям собачьим. Вслух трудно сказать это родному отцу, впрочем, Лена не надеялась, что он по мимике поймет ее внутренний монолог, если не понимает сказанных вслух слов. И не понял.

– Я не расслышал или ты с отцом не хочешь разговаривать?

Она знала все, что он скажет и какой жест сделает после той или иной фразы, какую гримасу нацепит на свой потрепанный портрет. Сейчас папа скреб грязными ногтями небритую скулу, глядя на дочь с укором и одновременно с достоинством. Уж чего-чего, а достоинства у пьяниц навалом. Ни одна труба не качает столько газа с нефтью, сколько

достоинства хранится в заспиртованном теле еще не старого, но слетевшего с катушек мужчины.

– Не понял, ты родному папе не рада?

А то по ней не видно! Что плохо: сколько не играй в молчанку, не поможет. У папы, когда он близок к цели, выдержка с терпением – ей бы столько. Но молодость импульсивна, непоследовательна, Лена, твердо решив не вступать в диалог с отцом, сорвалась:

– Не дам!

– Что? – сморщился Евгений Ильич. – Ты мне? Отцу? Который тебя кормил?! Поил! Растил! Надеялся, дочь будет радостью... А ты с ним так, да?

Он заводит себя с одинаковой последовательностью: сначала на слезы, потом на «благородный гнев», под финал выдает истерику. Решив ускорить этот процесс, Лена повторила, теперь уже глядя в его бессовестные глаза:

– Лафа закончилась. У меня нет денег. И теперь долго не будет.

– Попроси у своего, – нашелся папа.

– И не подумая, – отрезала Лена.

– Значит, отцу плохо, а дочь не хочет облегчить участь. Значит, я отрывал от себя, чтоб ей было хорошо, а она куска хлеба теперь не даст...

Лена оттолкнулась от стены и прошла в кухню, где взяла половину батона, а из холодильника – полпалки копченой колбасы. Вернулась в прихожую, сунула в руки отцу:

– Вот тебе хлеб, вот колбаса. Теперь уходи.

Развернув к выходу папу, который не успел опомниться по причине хронического похмельного синдрома, тормозившего все рефлексы в мозгу, она вытолкала его на площадку и захлопнула дверь.

– Ленка!.. – раздался запоздалый вопль. – Ленка, открой! Я дом подниму...

Несколько раз Евгений Ильич ударился боком в дверь – не помогло. Приставив ухо к щели, он послушал пару секунд и заорал громче:

– Ленка!.. Родная дочь отца выгнала! Воспитал на свою голову! Живешь с богатым мужиком... как последняя... А у него жена, дети... Не стыдно? Кто ты после этого? Ну, подскажи, как тебя называть!

Лена просто-напросто стекла по стене вниз, как смола по дереву, уселась на пол и, обхватив колени руками, уткнулась в них лбом. Она не плакала, нет-нет, а собиралась с мыслями, с силами. Сегодня столько хлопот... без папаши хватит. Слезы давно закончились, да и какой от них прок? Сухие глаза, холодное сердце, трезвый ум – прекрасный комплект достоинств, дополняющий эффектную внешность. Несмотря на молодость, Лена научилась владеть собой и смотреть на мир глазами взрослой женщины. Если честно, думала, что умеет. Думала до тех пор, пока не случилось...

– Ленка, сволочь! – разорвался за дверью папа, человек без порядка в голове и абсолютно без воли, разменявший талант

на градусы. – Мне же надо... для здоровья. Ленка, а если отец умрет? Ты будешь виновата... Мать не жалко? Она ж болеет...

У мамы с папой болезнь известная, перешедшая в хроническую, а жалость, даже дочерняя (о любви уже речи не могло идти), – продукт протухающий. И что в данном случае есть жалость, ведь в мире абсолютно все относительно. Пора кончать с вымогательством, Лена громко и отчетливо сказала якобы в телефон:

– Алло, полиция? Ко мне ломится пьяный мужик, будьте добры, помогите... Адрес? Записывайте: Королева, 35...

– Неблагодарная! – обозлился папа, привыкший к регулярным подачкам во времена запоев. – В полицию... на родного отца?... Не ожидал! Ну, попомнишь меня! Я тебе устрою, доченька. Чтоб на отца родного натравливать... я тебе поломаю твою кайфовую жизнь.

– Сейчас приедут, папочка! – процедила за дверью неблагодарная дочь. – Будешь ждать, когда тебя запакуют или предпочтешь волю?

Легавым ехать сюда – минуты три, Евгений Ильич не стал проверять, солгала она или нет, а, прижав колбасу с батоном к отощавшей груди, скатился по лестнице и вылетел из подъезда со скоростью кометы. Очутившись на улице, он отбежал на расстояние и погрозил кулаком балкону квартиры, где жила его дочь.

Лена как раз поставила турку с кофе на огонь и видела в

окно, как у противоположного дома папа тряс кулаком. Он жалок, совершенно чужой, непонятно, что их связывает на этой земле. Разумеется, никуда Лена не звонила, этот прием она использовала впервые, сегодня он сработал, а завтра придется придумать что-то другое. Во времена запоев отец превращается в скотину, вымогает деньги, закатывая скандалы, может валяться в подъезде. Лена отдавала ему иногда последние гроши, лишь бы отстал, ведь перед соседями стыдно. Но сейчас ей самой нужны деньги, это вопрос жизни и смерти в прямом смысле.

* * *

Глеб сел в машину Юрия Петровича – старикана вряд ли остановят фараоны, а Славка поехал за ними. Лицо Глеба защитили темные очки и бейсболка с большим козырьком, других средств, преобразующих внешность, не нашлось.

Вчера парни выложили старикану проблему и правильно сделали. Во-первых, рано или поздно он все равно узнал бы, во-вторых, ложь дед чует порами кожи и не прощает лгунов. Что поделать – поколение бескомпромиссных максималистов. К обоюдной радости друзей, Юрий Петрович не заклевал их моральями, напротив, вызвался помочь, согласившись, что обращаться в полицию глупо – повяжут. Являясь пережитком тоталитарных эпох, старикан с пугающим энтузиазмом взялся руководить двумя «отроками», распределив

обязанности: Слава с Глебом ищут фотографа, а он отправится по друзьям искать связи в следственных органах. Полиция, полиция... Глеба еще вчера охватило беспокойство, хотя старикану, которого он знал с детства, доверял как себе. По дороге в город он крутился на сиденье, крутился... и не выдержал:

– Зачем вам полиция? Кинематограф наплодил тупых ментов, на самом деле они соображают неплохо, когда хотят, и быстро вычислят, что вы меня прячете. Мы без них обойдемся...

– Боишься, нечаянно сдам тебя? – раскусил его Юрий Петрович. – Вы думаете, все, кому за шестьдесят, страдают старческим кретинизмом...

– Вы не так поняли! – дал задний ход Глеб, но того понесло:

– Вы, молодежь, нахальные, неумные, невежественные, поэтому попадаете в нелепые ситуации, часто угрожающие вашей жизни. У тебя микросхемы в черепашке не в порядке, иначе ты не занимался бы любовью в парке. Для этого кровать придумали. Неужели в твою ослиную башку не пришло, что в парке ночью полно всякой швали?

– Юрий Петрович! – взметнул Глеб вверх руки, ударившись ими о крышу авто. – Желание уединиться на природе с девушкой и тем более заниматься сексом у меня пропало на веки вечные. Только за высоким забором, в доме с крепкими стенами, с окнами, закрытыми ставнями, и в полной

темноте... если не стану импотентом после всего.

– Молчать, – ухмыльнулся тот, покручивая руль. – Лучше слушай умных людей типа меня. Еще повезло, что живым остался, могло быть хуже. Теперь по поводу полиции. У тебя ничего нет – ни подозреваемых, ни мотивов, ни улики, ни версий, чтобы искать убийцу самостоятельно. Поверь, это не так просто, как в ваших заграничных киношках показывают. Полиция на место убийства попала сразу по горячим следам, возможно, они нашли что-то, помимо твоих отпечатков. У них есть пусть плохая, но техника, есть специалисты, опыт. Они практики! Или тебе неинтересно, что думают сыщики, в каком направлении работают?

Что за вопрос! Жизненно необходимо. Но Глеб молча смотрел в окно, глубоко вдыхая встречный ветер, который неплохо проветривал голову. Не успокоил его Юрий Петрович, старикан это понял и толкнул парня в бок:

– Не бойся. Мне всего шестьдесят четыре, до мааразма еще лет десять. Короче, полицейским ищейкам меня не провести, они не узнают, где ты прячешься. К счастью, мои друзья живы, а у них тоже есть друзья, мы найдем выход на сыщиков и остороженько выясним, что им известно.

Глеб ничего не сказал, не верил он в «остороженько выясним», но в его положении харчами не перебирают. Если бы, открыв глаза, он увидел не сегодняшнее утро, а вечер, когда взял Дину за руку и увел из клуба, его жизнь могла получить продолжение, какое он заложил в долгосрочную про-

грамму. Но все изменилось без него. Нелепо: от Глеба ничего не зависело, ничего! Так не бывает, казалось ему раньше, человек сам кует свою судьбу сверху донизу, на практике – не всегда. Ночь убийства Дины стала тяжелым испытанием, которое только начиналось. И где-то у самого сердца завелся червяк сомнения, сигнализируя: та ночь не закончится никогда. Или закончится вместе со смертью. Его, Глеба, смертью. А это совсем не вдохновляющий фактор.

* * *

– Черт, черт, черт! Боже мой... Боже...

Нику заклинило на трех словах, которые она произносила механически, держась за голову руками, как в театральной постановке.

– Не отчаивайся, – сказала Лидия Даниловна. – Это не самое страшное, что может произойти в жизни, поверь.

Она живет в одном доме с Никой, утром подбросила к студии и зашла взглянуть на последние работы, а тут такое! Лидия Даниловна заняла единственный резной стул под старину с высокой спинкой и время от времени поглядывала на часы, ей ведь тоже нужно на работу.

– Катастрофа! – добавила Ника новое слово к трем предыдущим.

– Успокойся. Ты уже ничего не изменишь, смотри с этой точки зрения на происшествие и думай, как все исправить.

Лидия Даниловна старше на двадцать пять лет и... она настоящая – разве это не исчерпывающая характеристика? Без понтов, добавила бы еще Ника, обожавшая снимать ее не только из-за красоты, встречающейся в этом возрасте крайне редко и которую называют благородной. У Лидии Даниловны глаза, лицо, движения наполнены смыслом, отсюда снимки никогда не бывают бессодержательными. Ника звала ее коротко – Лидан. Разумеется, не подругой была для нее Лидан – слишком разные весовые категории, тем не менее между ними установилась прочная связь, как сейчас говорят, на тонком плане.

– Столько работы! – не успокоилась Ника. – И все к черту, все!

Она собиралась разреветься, когда в студию вошел Эдик, при нем рыдать – еще чего! Ника позвонила ему, она обязана была сообщить, что вчерашняя работа накрылась медным тазом, нужно переснять девчонок, следовательно, съемки на природе отменяются. Но не думала, что он притащится сам (его только тут не хватало)! Ей и так плохо, но, увидев Эдика собственной персоной, стало хуже. Однако он – источник дохода, причем немаленького, и Ника завязала злость в узел, при этом села на кубик спиной к нему. Ей с ним еще работать и работать, зачем же восстанавливать против себя?

Эд понял все без слов. Он скользнул взглядом по висевшей одежде – с его стороны было неосмотрительно оставлять в студии дорогой товар, но ведь ничего подобного никогда

не случилось. Здание охраняется, не так-то просто вынести отсюда что-либо ночью. Достаточно было беглого взгляда, чтобы определить: одежда цела, обувь... тоже на месте. Эд бесшумно и с облегчением вздохнул, ради этого баракла, за которое ему не расплатиться, он примчался на вопль из телефонной трубки.

– Полицию вызвала? – осведомился он. Получив от Ники утвердительный кивок, Эд подошел к столу, где стоял системный блок компьютера, и спросил: – Что унесли?

– Все цело, – ответила Ника, не оглянувшись. – Только... винт...

Да, вынули винчестер, точнее, выдрали.

– Странное ограбление, – сказал он. – Вещи не тронули, а каждая стоит... Значит, взяли только винт? Почему?

Очередной раз взглянув на часы, Лидан засобиралась:

– Мне пора. Ты уж прости, Ника. – Она дошла до двери, но вдруг вернулась. – Мне кажется, кому-то понадобилось то, что есть на жестком диске. Подумай, Ника, что это за информация, тогда, возможно, ты вычислишь, кого она интересует. До вечера.

Сейчас Ника ни о чем не могла думать, кроме как о потерях. С жестким диском у нее украли красивую, облюбованную мечту, с которой ложилась в постель и поднималась утром, с ней жила она дни напролет. Девчонок можно переснять, а серия снимков для выставки – невозполнимая утрата, потому что не подлежит восстановлению. Ценней-

шие кадры остались на жестком диске.

– О, боже, боже, какая я дура, – ударилась она в запоздалое раскаяние.

– Почему? – заинтересовался Эдик, так как в интонации Ники прозвучала уверенность, будто она знает причины налета на студию, речь-то велась об этом.

– Вчера я работала допоздна, – неожиданно разговорилась убитая горем хозяйка. – Щелкнула дверная ручка, ты знаешь, как она щелкает...

– Знаю. И что?

– Я думала, это охранник, позвала его по имени, но за дверью был кто-то другой, он убежал... Значит, потом вернулся! Сколько раз мне говорили: не храни информацию на одном компьютере, не храни! Почему я не слушала? Почему я такая тупица?

– А как дверь открыли?

– А?.. – растерялась Ника, повернувшись к нему лицом. – Как?.. Не знаю... Когда мы сегодня приехали, дверь была открытой...

Эд метнулся к двери, осмотрел замок и немало изумился:

– Ника, замок цел.

– Ну да...

В этот момент в студию вошли мужчины в полицейской форме. Ника бросилась к ним, наивно полагая, что стражи порядка в мгновение ока укажут на вора.

Анжела еще раз провела щеточкой по ресницам, последний. Посмотрелась в зеркало, поворачивая голову влево-вправо и проверяя, как выглядят ресницы. Она улыбнулась отражению – улыбка по утрам дает позитивный заряд на весь день, к тому же ей нравилось на себя смотреть, но это, конечно, тайна тайная. А что же тут может не нравиться? Каштановые волосы длинные, пышные, а не три пера в два ряда. Такие же каштановые удлинённые глаза, над которыми раскинулись крылья бровей, изящные скулы, плавно переходящие в подбородок, и чудный рот с натуральными губами, а не силиконовыми протезами. Ну и рост, талия, ноги – как положено для королевы, а улыбка Анжелы – это «луч света в темном царстве». Серьезно, улыбка искренняя, открытая, очаровывающая. Наверное, поэтому к ней льнули люди (не всегда добропорядочные, к сожалению), ведь человек инстинктивно тянется к свету и добру. Но Анжела обычная. Она точно так же, как все, сердится, обижается, плачет, веселится, если есть повод. У нее все, как у людей, включая проблемы.

Кстати, кстати! Одна из узловых проблем – задержка. При воспоминании об этом тревожно защищало сердце, но Анжела закрыла глаза и несколько раз мысленно повторила: обойдется, пройдет, как насморк.

Вовремя она прибежала на кухню, иначе гречневая каша подгорела бы, а в ковше, где варились яйца, почти выкипела вода. Однажды забыла про яйца, был такой бэмц... реально бомба взорвалась. Анжела выключила кашу, залила холодной водой яйца и побежала в комнату будить Митю, мужчины удивительный народ, спать будут сутками, если их не будить. Правда, в ее арсенале эскадрона не числится, на кровати лежал всего лишь второй в ее жизни мужчина, но и двух достаточно, чтобы сделать некоторые выводы. Анжела залезла с ногами на диван и громко чмокнула Митю в висок, он не растаял от поцелуя, а натянул на голову простыню.

– Как! – воскликнула она. – Ты отгораживаешься от меня?

И безжалостно стянула с него простыню, Митя накрыл голову подушкой. Анжела отняла подушку, это тоже не помогло: он повернулся на другой бок.

– Вставай! – тормошила его Анжела. – Знаешь, который час?

– М?

– Почти десять!

– Уй! – Теперь он хотя бы сел, но при этом глаза его были закрытыми. – Почему не разбудила?

– Будила, – заверила Анжела, переодеваясь. – Целых два раза будила: когда шла на кухню и перед душем. Если хочешь, спи, а я через двадцать минут выхожу.

Переодевшись в платье, она повесила халатик в шкаф и убежала на кухню. Митя потянулся с длинным стоном, веро-

ятно, чтобы звук помог собраться с силами и смело ринуться в новый день отвоевывать место под нещадным солнцем бизнеса. Не помогло. Он поплелся в душ, теперь только вода способна взбодрить.

На кухню Митя пожаловал хмурый, но не от того, что не выспался, а до трех торчал в сетях Рунета. Она поставила перед ним тарелку гречки с молоком, блюдо с двумя яйцами, кофе в большой фаянсовой кружке, а тостер, намазав маслом и кинув сверху куски ветчины, сунула прямо в руку – Мите осталось только съесть.

– Тебе разве не надо на работу? – поинтересовалась она, поедая две столовых ложки гречневой каши без масла, молока, сахара и, естественно, без хлеба.

– Надо. Но я начальство сам у себя, мне можно и задержаться.

Да, у него собственная фирма. Маленькая. До бизнес-аккулы далеко, однако Митя неплохо управляется. Анжела любила бы его, будь он хоть сантехником или... Впрочем, сантехников сейчас полно и с высшим образованием, но они считаются неудачниками, любить их строго запрещается гламурной средой. Нет-нет, Митя как раз удачлив. И умен. Нет ничего хуже глупого мужчины, Анжела таких видела-перевидела и среди столпов бизнеса, глупость не выбирает только бедных, богатые от нее тоже страдают. Митя еще и молод, ему двадцать девять лет, к тому же красив, он самый, самый! Год они... как бы это сказать... в отношениях. То на съем-

ной квартире Анжелы встречаются, то у него на квартире (не съемной). Как раз эти отношения и смущают ее, а также родителей. Целый год вместе, пора бы... да? Но необязательность, судя по всему, устраивает его.

– Куда собралась? – поинтересовался Митя.

– На телевидение, – ответила она, подкладывая ему еще один бутерброд. – Сегодня решается моя судьба.

На его лице с правильными, типично мужскими чертами появилась презрительная гримаса. Анжелу неприятно кольнула реакция Мити, она столько сил приложила, доказывая, что заслуживает места телеведущей, и это без победоносного шествия по постелям. Конечно, не без протекции попала на TV, папин друг хлопотал. Старые ведьмы, присосавшиеся к передачам еще с советских времен, истекли ядом, но оружие Анжелы – искренность, старание, доброжелательность и, разумеется, молодость с красотой. Работа ей нравилась, очень-очень нравилась, да что там, публичность – штука заразная. Не последнюю роль играла материальная независимость, ну, сколько можно просить у родителей или перебиваться случайными заработками? А Митя... Митя поначалу не принял всерьез ее увлечение, теперь, чем чаще появляется Анжела на экране, тем раздражительней становится он.

– А что ты предлагаешь? – произнесла она мягким тоном. – В школе преподавать иностранный язык мне неинтересно, там без меня полно учителей. Переводчиком работать? Подскажи, где. Карьеру модели...

– Ты же знаешь, я противник модельного бизнеса.

Вот как: он противник! Да ради бога, Анжела согласна расстаться с подиумом, тем более что никакого дохода этот вид деятельности не принес, кроме жалкого чувства удовлетворения, что ты в центре.

– Судя по выражению, тебе не нравится и профессия телеведущей, – сделала вывод Анжела.

– Мне не нравятся все публичные профессии, – заявил Митя. – В самом слове «публичный» заложен порочный смысл. Хм, публичный... это значит тот, кем пользуются все.

Другая сказала бы: ты не муж, чтобы указывать, чем я должна заниматься, но не Анжела. Он неправильно поймет, как намек, что ей хочется за него замуж. Безусловно, хочется. Еще хочется любви и уважения, наверное, мужчине об этом стоит иногда напоминать, только как-то неловко выпрашивать то, что должно само по себе связывать двух любящих людей. Но именно сегодня, доедая яйцо, Анжела сказала твердо, в то же время неконфликтно:

– Митя, я буду работать там, где нравится мне, а не тебе, хорошо?

– Я не хотел тебя обидеть...

– И ладно. Извини, опаздываю...

– Я тебя отвезу, – подхватился он. – Твое телевидение по пути.

Отлично, Анжела экономит. Она никогда не вытягивала из него деньги, не умела и не собиралась этому учиться. Гор-

дось не позволяла брать и тогда, когда он сам давал – Митя не жмот, просто это неправильно. А девчонки думают... Анжела непроизвольно хохотнула, припомнив реплики по поводу ее отношений с Митей, сложилось мнение, будто она доит его – ужас. Почему-то им не приходит в голову, что их связывает такое архаичное чувство, как любовь, а не рыночные установки «купи-продай». В сущности, все замечательно... только в настроении появилась трещинка. Впрочем, образовалась она давно, а сегодня чуточку расширилась. Все из-за надежды, которая тает, тает... Может, это синдром невротика – видеть действительность исключительно в тусклых тонах?

6

Районы тех, кому в этой жизни крупно повезло, обычно находятся на отшибе и огорожены, словно независимые анклавов со своим кодексом. Собственно, в каждом городе, городишке и даже поселке есть похожие зоны без доступа. Таун-хауз выбрали те, у кого немножко не хватило денег на гектар земли в придачу к хатке в три этажа. Сюда-то и приехал отец Лены на автобусе, прогулочным шагом прошелся вдоль закрытой территории и озадачился. За коттеджами круглосуточно наблюдает охрана, у которой имелся пост с теплой будкой из кирпича, телефон и шлагбаум, а вокруг коттеджей возвели шиферную двухметровую защиту. Эстетический вкус Евгения Ильича буквально корчился от страданий, когда он изучал гофрированную серость, рассортировавшую людей на белых и дерьмо. Все, что за пределами зоны – дерьмо, разумеется, потому попасть к белым людям непросто. Дыр он не обнаружил, а мимо охраны проскользнуть – делодохое. Сторожевым псам надо назвать адрес и фамилию, к кому пожаловал, они звонят жильцам, только потом пропускают, если на то получают разрешение. Долго оставаться здесь незамеченным невозможно, всякий подозрительный человек привлекает внимание, но Евгений Ильич решил ждать хоть до завтрашнего утра. Он менял точки наблюдения: то у газетного киоска стоял, то ходил вдоль

дороги. Несколько часов убил! Наконец с территории таун-хауса выехала машина белого цвета со знакомыми номерами. Евгений Ильич подпустил ее ближе, присматриваясь, кто за рулем... Она! И кинулся наперерез. Получив удар, он упал на капот, царапая полированную поверхность пальцами, дабы удержаться, но это нереально. Он соскользнул на асфальт, когда машина резко затормозила. Из авто выскочила ополоумевшая женщина лет сорока, закудаhtала, заметалась:

– Боже... Вы... Вы бросились под колеса... Я не виновата... Вы живы?! О, Господи, что мне... Эй!.. Как вы там?..

Она судорожно жала на кнопки телефона, ее губы дрожали, руки тоже. Евгений Ильич не сильно-то и ушибся, подумаеть, на заднице синяк будет! Кости-то целы. Поднимаясь, он бросил орущей курице:

– Не кричите, живой я.

– Слава богу! – вздохнула женщина и на всякий случай предупредила, чтобы, вымогая деньги, он был скромней: – У меня видеорегистратор...

– Куда вы звоните? – осведомился «пострадавший».

– В «Скорую», конечно... И полицию надо вызвать...

– Не надо! Я в порядке.

– Да? – чуть не плача, произнесла она. – А потом мне претензии предъявите и заявление накатаете? Нет, уж лучше сразу... с протоколом и полицией...

– Я не мошенник, – принялся заверять он, помахал в ло-

бовое стекло. – Алё, видеорегистратор... Я нарочно кинулся под колеса. Мне нужно было остановить машину. – Теперь повернулся к курице: – Да, вы мне нужны!

Опустив руку с трубкой, она смотрела на него испуганными и непонимающими глазами. «Некрасивая», – оценил Евгений Ильич, скользнув по избыльному телу беглым взглядом. Как истинный художник, изучающий модель, задержался на лице, хотя портрет – не его стихия. Он быстро определил, что внешнее благополучие не маскирует внутренней разрухи, зря эта дама не пользуется косметикой, бесцветные женщины мужиков не привлекают. Но черты лица все-таки приятные, линии мягкие, может быть, это свойства характера облагородили лицо простушки. Да и полнота всегда «утяжеляет» возраст, значит, она моложе, чем показалось издалека, помимо этого вблизи Ольга слишком простовата и чуть-чуть жалкая. Но он слишком беден, чтобы заходить в приступе жалости. А столь подробное изучение понадобилось, чтобы прочувствовать ее и определить: пойдет на сделку с ним или...

Едва Ольга пришла в себя, естественно, захотела выяснить, зачем он бросился под ее колеса.

– Вам... Вы... А что вам нужно?

– Вас зовут Ольгой, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал он.

– М... да. Вы меня знаете? Откуда?

– Хорошие вопросы, – с утрированной многозначительно-

стью ухмыльнулся Евгений Ильич. – Поговорим в машине?

Многозначительность всегда заинтриговывает, она как бы намекает, что информация под грифом секретно. Мало кто отважится не вызнать тайну, ведь уже понятно: речь пойдет о близких людях. Ольга же с опаской разглядывала антипатичного мужчину, не решаясь пригласить в чистенький салон дорогого авто.

– Что, не нравлюсь? – провокационно хмыкнул он.

– Дело не в этом... – стушевалась Ольга.

– Мы мешаем транспорту, – нашел убедительные доводы Евгений Ильич. – Уединиться здесь негде. Одет я плохо, но не грязный же, под ногтями краска, я художник. А у меня есть для вас очень... – И понизил голос, слегка наклонившись к ней: – ...очень интересная инфа.

Любопытство взяло верх, как и должно быть:

– Ладно, садитесь. Только я спешу...

– Когда я выложу кое-что про вашего мужа, вам не захочется спешить.

* * *

Зловеще защелкали в прихожей замки...

Ася напряглась, приподнявшись на локтях, прислушалась... Входная дверь хлопнула... Звякнули ключи... Ася провалялась целый день: то спала, то просто лежала, а тут вскочила, будто ее подбросил батут. Пачку кукурузных па-

лочек забросила под кровать в дальний угол, примчалась на кухню, вытащила из холодильника два пакета, метнулась в свою комнату и туда же их – под кровать. После этого отправилась в прихожую и... не ошиблась! Асе захотелось завыть: «Почему мне так не везет?!» Вместо этого она, по-детски удивившись, словно ей встретился человек в гриме, под которым с трудом угадывались знакомые черты, тихо выговорила:

– Ты?..

– Родную мать не узнаешь? – переобуваясь в домашние тапочки, буркнула Марина.

– Почему так рано? Ты же собиралась в понедельник вернуться.

– Думаешь, твою бабушку можно вынести больше трех дней?

Собственно, как и бабушкину дочку. Ася и получаса не выдерживала Мариночку (так она называла мать), только полная зависимость заставляла мириться с ней и часто-часто прикусывать язык, чтобы не дразнил родительницу. Обе враждебно изучали друг друга, словно искали недостатки, появившиеся за дни разлуки. Марина увидела на дочери трикотажные шортики, ночную маечку на бретелях, спутанные волосы и с ходу – в крик:

– Ты что, до сих пор в кровати валялась? Скоро вечер, а она только из постели вылезла! Стоит отлучиться, ты превращаешься в сорняк: спишь и спишь. (Еще и ест до отва-

ла, но маме этого знать нельзя, иначе совсем озвереет.) Неси сумки на кухню, я не выючное животное, натаскалась за сегодня.

Дочь подчинилась беспрекословно, груз до кухни тащила волоком – откуда силы возьмутся, если мамуля морит голодом? Вот и кончилось счастье. Оно случается редко, дарит неповторимые минуты расслабления, покоя, отдыха и свободы. Называется счастье – одиночество. Люди идиоты, когда страдают: ах, я не могу жить в четырех стенах один (одна), мне бы хоть кто-то дышал под боком. Асе все эти дышащие-говорящие-сопящие-хрюкающие даром не нужны ни перед носом, ни под боком, ни тем более на одних квадратных метрах! Она упивается одиночеством, когда остается одна. Жаль, деться некуда. При этом желательно удержать атмосферу на уровне покоя. Как этого добиться? Например, угодить родительнице, дать понять, что о ней заботится дочь. Ася поставила чайник на плиту, готовила чашки... Но маме угодить – легче утопиться там, где никогда не утонешь, к примеру, в луже глубиной пять сантиметров.

– Куда чайник ставишь? – взвилась Марина, появившись на кухне. – И так жарко.

Какая жара, откуда! Август подходит к концу, жары как таковой уже не наблюдалось в этом году. Ася так и вовсе половину лета мерзла, ей почему-то постоянно холодно, всем жарко, а она зябнет, девчонки по этому поводу отпускают шуточки, глупые и пошлые, надо сказать. Ася взгромозди-

лась на стул с ногами, словно птичка на жердочку, взяла яблоко и вздохнула. Теперь нормальной еды не видать, ведь Мариночка приехала. Потерев о майку яблоко ровного желтого цвета, она запустила в него зубы и... получила шлепок по рукам:

– Помой хотя бы.

– У бабушки фрукты чистые.

Бабушку Мариночка не выносит, но это не мешает таскать от нее по две сумки с продуктами, которые она сейчас выкладывала на стол или сразу отправляла в холодильник. Из продовольственного пайка Асе достанутся яблоки и овощи. Зато без химии и низкокалорийная еда! От такой еды Асин желудок будто в стиральной машине прокручивают, но родительница строго следит за содержимым тарелки дочери, ни грамма сверх нормы не подкинет. Напротив, отберет, если заметит, что дочь тайком кревоугодничает, украв лишних три зернышка риса. Ненавидела Ася яблоки и овощи (с химией и без), но когда голод закручивает кишки, съешь даже маму родную, зная, что она жутко невкусная, вдобавок ядовитая, как мухомор.

– Сядь нормально. – Началась муштра, Мариночка себя считает в этом деле докой. – Опусты ноги на пол! Столько лет пытаюсь сделать из тебя леди, а ты остаешься пацанкой из подворотни.

Это сказала аристократка с крестьянско-лакейской родословной, выросшая в совдеповской коммуналке, которую пе-

рестроили из бывшей купеческой конюшни! А народу мамуля заливает, будто княжеского рода. Видела Ася на пожелтевших фотографиях «князей» в потертых шинельках, обмотках на ногах, в одеждах прислуги и платках, а лица... Мариночка фотки никому не показывает, стесняется «князей», да и сама она далеко не красотулька, ведь властное лицо злой колдуньи не может быть даже приятным. Она высохла, словно ее достали из гробницы фараона, куда поместили три тысячи лет назад в качестве антуража к похоронам. Да, мамуля страшенькая. Каким образом Ася получилась эталоном во всех отношениях – вот уж, действительно, загадка природы.

По профессии Марина хореограф, а истинное ее призвание – мучительница, она мучает дочь, танцорок, соседей, достается всем. Безапелляционное суждение, оскорбительная манера в общении, самомнение – как ее терпят? Правда, не все, отец Аси, к примеру, сбежал. Сцапал, что под руку подвернулось из личных вещей, и... бегом на максимально возможной скорости, без оглядки! Убежал с одним баулом и кейсом. Мариночка достала папу крепко, у Аси язык не повернется его осудить. Он давно женился, наплодил двух детей, дома его облизывают, папа доволен. А мать бесится и бесится, конца ее бешенству не видно. Ася мечтала, чтобы нашла она мужика и не вылезала из спальни, наступило бы время блаженства, потому что мамуля отстала бы от нее. Только это должен быть либо больной на всю голову, либо хронический мазохист, другие не подойдут.

– Была у него? – спросила Марина.

Уф, как Ася содрогнулась. Боялась этого вопроса, но он прозвучал. Он не мог не прозвучать. От ответа не улизнуть, значит, надо сказать:

– Нет.

– Что?!!

Мама умудрилась в одном коротком слове выдать такую полифонию – симфонический оркестр умер бы в полном составе от зависти, услышав. Однако Асе не до смеха, когда она видит белеющие глаза матери, на всякий случай девушка втянула голову в плечи.

– Как-как ты сказала?.. Нет?.. Ну-ка, повтори... Я услышала, да?..

– Нет, – негромко повторила дочь.

Марина задышала, словно вулкан перед извержением, она же психованная. Раньше Ася думала: «Почему она со мной так?..» Но когда осознала себя взрослым человеком, а случилось это где-то в восьмом классе, поняла причину, которую и не выскажешь никому, потому что никто не поверит. А суть обидная, унижительно-оскорбительная: Марина не любит Асю. Да-да, вот такая бредятина: мать не любит свою дочь, кровь и плоть. Может, из-за отца, который бросил ее, или попросту жаба давит из-за внешности и молодости дочери, или она завидует всем удачливым бабам. Но может быть, она в целом ненавидит весь мир, он же не дал ей того, что Мариночка, по ее мнению, заслуживает в этой жизни. А за-

служивает, разумеется, как у Пушкина, «быть владычицей морской». Не хило, да? Впрочем, какова бы ни была причина, что Асе от того? И каково понимать, что она – средство достижения целей и удовлетворения маминых амбиций, а не собственных? Теперь в обязанность Аси вменяется достичь всего того, что прошло мимо мамули. Идиотизм!

– Я с тобой разговариваю? – грубо толкнула ее в плечо Марина.

Ася желала мира. Но мир так же призрачен в этом доме, как дурацкие мечты, далекие от реальности. В такие моменты в Асе внезапно срабатывает некий переключатель, и вот уже на стуле сидит не длинноногий воробышек, а дикая кошка, охотница на воробьев. Она подняла налитые ответной нелюбовью глаза на мать и, разделяя слова на слоги, чтобы отпечатались в мозгу безумной женщины и она не переспрашивала, отчетливо-раздельно отчеканила:

– Я. Не. Бы. Ла. У. Не. Го.

– Ты соображаешь?.. – задохнулась возмущением Марина. – Да как ты посмела! Дура! Идиотка! Я столько сил потратила, столько здоровья угробила! Наконец тобой заинтересовался настоящий человек, с его помощью ты можешь выйти на первые позиции! Это колоссальные перспективы...

– Вот и спи с ним сама! – вырвалось у Аси. Нечаянно вырвалось.

Мама дочку по щеке – хрясь! Ася даже не обиделась, тем более к рукоприкладству привыкла. Но! Была и новизна в их

отношениях: дочь впервые огорошила мать строптивостью. Обычно Ася хотя бы молчит или просит прощения со слезами в глазах, а тут поднялась и ушла в свою комнату, не забыв запереть дверь изнутри, потому что Мариночка, когда входит в психопатический транс, способна отодрать голову дочери от тела. И то и другое Асе самой пригодится.

– Ах, не хочешь спать? – бесилась за дверью Марина. – Пока мало было желающих с тобой переспать. Что ты о себе возомнила? Ты особенная? Умная? Знаменитая? Или у нас под дверью толпы твоих поклонников ночуют? Нет, ты зурядная. Бездарь! У тебя ни к чему нет способностей! Требовалось-то немного: слушать мать, раз своих мозгов не имеешь. Научись хотя бы мужиков богатых доить, как это делают умные девушки! Тебе и это не по плечу. Сначала добейся успеха, стань независимой, а потом будешь выбирать, с кем спать. И не забывай, тебе уже двадцать лет, двадцать! За два года не сделаешь карьеру – все, на пятки наступят моложе и красивей...

«Несчастливая», – подумала Ася, упав на кровать плашмя. Вообще-то она тоже не задыхалась от счастья, понятия не имела, что это такое. Потому считала счастьем время, когда рядом никого не бывает. Но это же ненормально!

– А яблоко! – вскинулась она.

Ну, теперь не выйти из комнаты, пока Мариночка не заснет, а произойдет это нескоро. Однако Ася вспомнила, что под кроватью целый мешок продуктов. Достав пакет, она вы-

нула половину палки колбасы, кусок сыра и, откусывая по очереди от каждого куска, улеглась на спину. Хлеба, жаль, нет. Кукурузные палочки подойдут, но мама услышит хруст и тогда выломает дверь, а из дочери сделает отбивную котлету. Ася с наслаждением жевала и под аккомпанемент маминой словесной дробы искала в своей биографии моменты, когда она все-таки была счастлива хоть немножко...

* * *

Ольга припарковалась в безлюдном переулке, сдвинула на лоб солнцезащитные очки, после чего с интересом покосилась на самоубийцу или кто он там? Этот ненормальный чувствовал себя комфортно: развалился в кресле, выставил локоть в окно, насвистывал и, похоже, забыл, что поговорить – его инициатива.

– Я слушаю, – сказала Ольга сухо.

– А, да! – выпрямился он, после повернулся к ней всем корпусом. – У меня достоверная информация, но она...

Евгений Ильич поднял руку, потер пальцы друг о друга, намекая на вознаграждение и ухмыляясь. Ольга, отставив первое впечатление, а было оно негативным, посмотрела на вымогателя другими глазами – беспристрастными. И что? Видно сразу: пьянь. Но если его помыть, постричь, приодеть и не давать пить с месяц, он предстанет почти красавцем. В сущности, мужчину красит ум, а у него глаза умные, хоть и

подлые. Вероятно, что-то не заладилось в его жизни, Оля, сама намаявшись от безденежья в юности, жалела всех сломленных.

– Я дам денег, – пообещала, отведя глаза в сторону. – Если ваша информация того стоит.

– Стоит, стоит, – с жаром заверил он. – Я знаю адрес квартиры, которую снял ваш муж любовнице. Я знаю, как зовут ее, где она работает, учится.

И заглянул в лицо Ольги, подавшись корпусом вперед... надежда вытянуть из нее хотя бы пару сотен скоропостижно скончалась. Где рыдания, проклятия, угрозы, на которые так падки женщины в миг, когда рушится вся вселенная? Тем более рядом незнакомый человек, которого, она, возможно, больше не увидит, значит, он не врет, ему незачем. Неужели Евгений Ильич обманулся? Похоже, да. Ольга отнеслась к новости индифферентно, а он столько часов прождал эту сытую корову! Но вдруг она:

– Чем докажете, что говорите правду?

– Да ничем. Я просто говорю правду. Если пожелаете, то убедитесь в моей честности, когда застукаете мужа у любовницы. (Да она просто сталь! У него остался последний козырь, правда, слабый.) – Любовница – моя дочь.

– Что?! – почему-то ужаснулась Ольга.

– А то! Дочь моя. Думаете, мне приятно, что ее пользует чужой мужик? Пусть отстанет от моей Ленки! Задурил ей голову, она ж молодая, глупая еще. Но очень красивая, тут я

его понимаю... Давайте так: сначала деньги, потом... стулья.

Он приготовился красноречиво растолковать выгоды владения информацией, а мадам без уговоров раскрыла сумочку и запустила туда пухлую ручку. Увидев купюру, предатель свел глаза в кучу, не веря везению, в атрофированном мозгу пульсировало: пять штук, пять штук! Вот это деньжищи! Цапнув купюру, он крякнул и скороговоркой выложил адрес, имя, по каким дням и в какое время муженек заезжает к Ленке. Теперь Оля пусть переживает на здоровье, а он с легким сердцем открыл дверцу авто и уже ступил ногой на асфальт, но тусклый голос обманутой жены задержал его в машине:

– Вы очень плохой человек.

– Чего? – обернулся он, изобразив угрозу на лице.

Она не видела его мимических ужимок, следовательно, не испугалась. Ольга смотрела прямо перед собой и говорила будто бы и не ему вовсе:

– Как можно сдавать родную дочь? И кому? Жене любовника. Люди сейчас способны на любой тяжкий проступок. Ее же могут... изуродовать... даже убить. По вашей вине. Из-за вашей алчности и подлости.

– Знаешь, не совести меня...

– Что вы, я не так наивна, чтобы совестить человека, который с совестью давно расстался.

– М... – Он все же смутился, во всяком случае, бесстыжие мигалки потупил. – Зря вы так... хлестко. Да, я никто

сейчас, меня смяло колесо истории... а вас то же самое колесо подбросило вверх. Незаслуженно подбросило. Ну кто вы, кто? Торгаши. Барыги. Ничего не создаете, не производите. Раньше были спекулянтами, а сейчас – бизнесмены! Бизнесмены – пф! Но знаете, уважаемая, если вас не станет всех разом, ну, денетесь вы куда-то, к примеру, корабль инопланетный вас заберет, мир не рухнет, не-а. Никто не станет искать: а куда делись жулики? Загоняли нам фуфло под видом брендов, где ж они? Потому что никто не заметит, что вы исчезли. Учителя будут учить, врачи – лечить, а крестьяне – кормить. Вот они незаменимы. Зато понтов ваша порода имеет больше, чем у датской королевы. Но у нас же в России как: от суммы и от тюрьмы... Будьте счастливы.

Оратор захлопнул дверцу и пошел восвояси, сунув руки в карманы брюк и сжимая в одной из них купюру.

* * *

Поздно вечером Лидия Даниловна зашла к Нике узнать, что думает полиция по поводу экстравагантного ограбления. У той была готова собственная версия, причем полицию она в свои домыслы не посвятила. Предоставив Лидану ноутбук с фотографиями супермачо из парка, Ника уселась на подоконник, обхватила колени и уставилась в раскрытое окно. В комнату нежно вливался ночной воздух, после суетного дня он был как подарок, живил прохладой.

Вот на кого хотелось бы быть похожей Нике – на Лидан. Во всем. Во-первых, умение держаться: Лидан не суетлива, движения ее плавные, но точные. Она сдержанна, попусту не болтает, начитанна, умна. Во-вторых, живет по правилам, которые успешно забылись не только поколением next, аксакалами тоже. Ну и последнее – внешность: тонкие черты выточены искусно, фигура почти не претерпела изменений, так что смотреть на Лидан приятно. Все в ней гармония, все диво... Но почему-то люди, близкие к идеалу, не бывают счастливыми. Правда, Лидия Даниловна никогда не жаловалась, только это необязательно, чтобы понять: эта женщина что-то прячет внутри себя. Поэтому ее темно-серые глаза обращены внутрь и всегда грустные.

– Ну, знаешь... – после длинной паузы потрясенно выговорила Лидан. – На его месте я бы тебя убила.

Как многие молодые люди, не обремененные моральными принципами, Ника полагала, что для натур творческих ограничений не должно существовать, потому фраза «я бы тебя убила» вызвала протестный тон:

– За что?!

– Как ты не понимаешь... – покачала головой Лидан. – Так нельзя!

– Почему нельзя?

– Потому что! Разве это нужно объяснять? Нельзя, и все! По какому праву ты вторглась со своей камерой к этому парню? В такой интимный момент... Ты совсем рехнулась? На

юридическом языке это вторжение в частную жизнь!

– А не надо любовью заниматься на травке!

– В нормальной стране подобный проступок карается законом. Слышишь – карается! А не наказывается.

– Я и не рассказала полиции, – заворчала Ника. – Подумала, вдруг меня арестуют...

– Ага, ты все же знаешь, что так поступать нельзя, – подловила ее Лидан. – Знала, но снимала парня и его девушку. Ника, я... разочарована. Ты воспитанная, начитанная и глубокая девушка, а повела себя... Не ожидала я.

Она снова перевела взгляд на снимок обнаженного молодого человека, схватившегося за прутья ограды, признав, что оторваться от изображения трудно. Искаженное яростью лицо (что несколько его не портило), растрепанные пряди волос, ровные зубы, яростный взгляд – во всем этом такая мощь чувствовалась, что невольно комок подступал к горлу. Прутья ограды только подчеркивали силу и, конечно, красоту. Кадр получился смысловой: будто парня посадили в клетку, откуда он рвется на волю, но не проходило ощущение, что ему никогда не вырваться. Вздувшиеся жилы, рельеф напряженных мускулов, блики на мышцах, капли пота, поймавшие световые отблески... Потрясающе! Нике удалось невозможное: красота и безысходность в одном кадре. Сфотографируй то же самое кто другой – эффект пропал бы, однако Лидия Даниловна удержалась от восхвалений, а то у девушки головка закрутится не в ту сторону. К тому же речь

велась не о великолепии кадра, даже не о проступке амбициозного фотографа, распрощавшегося с деликатностью, – все это явилось отступлением от главной темы. К ней, теме, Лидия Даниловна и вернулась:

– Он не мог обратиться в студию и забрать диск.

– Почему? Потому что этот парень понравился вам? А если он негодяй и подонок? С его внешностью разве это редкость? – забросала Ника вопросами приятельницу, развернувшись к ней лицом и свесив ноги с подоконника.

Видимо, к собственной версии она успела прикипеть, теперь ей сложно отказаться от вполне убедительного и логического объяснения. Лидия Даниловна подошла к ней, ведь проще заставить человека следовать логике при прямом общении, когда смотришь в глаза.

– Посчитай, – предложила она. – Парень не знал ни твоего имени, ни фамилии, ни адреса студии. Как думаешь, хватит одного дня, чтобы найти тебя в огромном городе?

– Он мог случайно попасть на меня... скажем, во время съемок у офис-центра, – нашелся ударный довод у Ники.

– Прекрасно, – скептически усмехнулась Лидан. – Он выследил, куда ты пошла, попробовал проникнуть в студию, но ты еще была там. Тогда он дождался ночи. И ночью... Прости, а как он вошел в студию?

– Открыл.

– Замечательно. Чем?

Как раз на этот вопрос у Ники ответ был, его она и выпал-

лила:

– Менты сказали, ключом! Или отмычки подобрал. Еще недовольны были, что их вызвали по такому пустяку, мол, эка невидаль – винт выдрали!

– Полагаешь, этот красавец, – кивнула в сторону ноутбука Лидия Даниловна, – носит в кармане отмычки? То есть опять совпадение: он ворюга-домушник, да?

– А что не так?

– Да все. Конечно, забрать свои снимки он наверняка хочет. Как и наказать тебя, а наказания ты заслужила – да, да, да. Но за один день... Нет, Ника, за день управиться со всеми задачами невозможно. Что у нас в остатке? Ключ, так?.. Ну и где он взял бы его?

До Ники, наконец, стало доходить:

– То есть вломился ко мне в студию и украл винчестер кто-то другой?

– Конечно! Скажу больше: вор имел доступ к твоим ключам. Например, сделал слепок, отнес его слесарю и тот выточил ключ. Но на это нужно время.

Ника задумалась, прокручивая в уме, кто из знакомых решился прийти в здание ночью, предварительно подготовившись, и украсть винт? Какая крайность заставила совершить воровство?

– Но жесткий диск больше никому не нужен! – сам собой напросился вывод. – Там ничего секретного, сомнительного или порочного нет. Там даже снимков этого парня... э...

Глеба... нет. Я не внесла их в студийный комп. Не успела.

– В таком случае кто-то хотел сделать тебе неприятность, – предположила Лидия Даниловна, но неуверенно.

– Отомстить! – Ника ударила себя по колену и хохотнула. – Точно! Это может. Ключи я бросаю на столе, их можно взять кто угодно... Тогда это модельки. Да, да, кто-то из этих безмозглых устриц.

Ника спрыгнула с подоконника и заходила по комнате. Не привыкла она сдаваться и, полюбив новую версию, выстраивала в уме западню.

– Они тебя не любят? – осведомилась следившая за ней Лидия Даниловна.

– Не любят? Хм! Видите ли, эти глупые курицы думают, что я не знаю, как они обзывают меня за спиной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.